

Кубанычбек Маликов

СТИХИ

Перевод с киргизского

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1983

С(Кирг)2
М19

Вступительное слово
М. Соболя

Составление
К. Маликовой

Художественное оформление
М. Шлосберга

М 4702280200-146
028(01)-83 91-83

© Состав, вступительное слово,
оформление, Издательство
«Художественная литература»,
1983 г.

ПОЭТ И ВРЕМЯ

...Дорога идет берегом Иссык-Куля, у самой кромки воды. Сегодня озеро спокойно, вода в нем синяя-синяя, легчайшая зыбь оставляет на песке белые паутинки пены. Озеро или море? Что там на горизонте — вершины гор или облака? Воздух какой-то холодновато-легкий, мы на высоте, от Чуйской долины шоссе шло все время на подъем.

Недаром мой спутник шепчет чьи-то строки: «Земные жители из низины, мы были выше самих себя». Я не знаю, кому они принадлежат, а он на все вопросы отвечает лишь лукавой прищуркой: надо, мол, угадывать почерк своих собратьев по цеху даже по одной строке...

У Гёте есть знаменитое двустишие, в буквальном переводе оно звучит так: «Чтобы понять по-

эта, надо отправиться в страну поэта». Конечно же, он говорит не о стране в географическом смысле слова: речь идет о духовном мире. Но ведь и страна, как таковая, занимает в этом мире огромнейшее место. Любой художник не существует без родины, без ее духа и традиций, истории и быта, особенностей национального характера и пейзажа.

Мой товарищ — известный киргизский поэт. В республике чуть ли не каждый знает его в лицо. Где бы мы ни останавливались, везде звучали его стихи и песни. Он среднего роста, крепко и ладно скроен, под крутым лбом хитрющие глаза, уголки губ выдают прячущуюся улыбку. Не слишком разговорчивый, мастер скорее на реплики, чем на монологи, он смеется так радостно и открыто, что сразу видишь — хороший человек! И если известность раскрывает перед ним все двери, то от его улыбки распахиваются людские сердца.

Может быть, предисловие — то есть статья в литературоведческом жанре — обязывает говорить как-то... академичнее, что ли. Но что поделать с воспоминаниями, если они накатывают, как волна Иссык-Куля?

Я рассказываю сейчас об одном из основоположников советской киргизской поэзии. Для точности добавлю: поэзии письменной, начавшейся со стихотворения «Эпоха Октября» Аалы Токомбаева в 1924 году. Кубанычбек Маликов был одним из младших соратников Аалы по первому в Киргизии литературному кружку «Красная Искра». До этой сразу же заявившей о себе «во весь голос» литературной молодежи существовала лишь устная поэзия; великий Токтогул, родившийся в 60-е годы прошлого столетия, не знал грамоты. А Кубанычбек Маликов в пятнадцать лет был сотрудником редакции республиканской партийной газеты.

Ниже я коротко скажу о деталях его жизненной биографии, попробую хотя бы пунктиром обозначить его литературный путь. А пока просто вспоминаю живого друга, с которым исходил и изъездил многие километры по степям и горным серпантинам, по асфальту и пастушьим тропам... Увы, дело было тридцать лет тому назад.

С того мига, которым я начал эти заметки, прошло много лет. Киргизская литература круто шагнула вперед и вверх, ее знают и уважают не

только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. А тогда, к примеру, Чингиз Айтматов только что закончил Сельскохозяйственный институт и, работая зоотехником, писал свои первые, еще отмеченные «робостью пера» рассказы. У Кубанычбека Маликова лишь впереди маячили поэтические книги, изданные впоследствии на русском языке в Москве. Ему предстояла большая жизнь — человеческая и литературная. Он прожил ее ярко и достойно.

Тогда я переводил стихотворения для его первого «Избранного», вышедшего чуть позже во Фрунзе (1955 г.). Кубанычбек понимал и ценил труд переводчика, он испытал сложность этой работы на самом себе. Поэт Маликов дал киргизскому читателю на родном языке Пушкина и Маяковского, Шевченко и Сулеймана Стальского. Именно в его переводах шли на сценах республики пьесы Шекспира.

«Мы были выше самих себя...» По-моему, самое высокое достоинство — быть настоящим человеком и добрым другом. Вот сидишь с ним рядом, запиваешь бешбармак шампанским (почему-то в ту пору именно оно главенствовало на всех

дастарханах — низких столиках, возле которых усаживаешься, скрестив ноги, на одеялах или коврах), — говоришь и смеешься, и не давит тебя «маститость» соседа, хотя он — автор множества стихотворений и поэм, пьес и оперных либретто, лирик и сатирик, кавалер многих орденов, будущий Народный поэт Киргизии. И при всем при этом в наших совместных странствиях главным было — по-человечески, по-житейски — «поэт поэту есть кунак».

Я поражался работоспособности и темпераменту Кубанычбека. Казалось, он работает везде: за письменным столом и дастарханом, в дороге и у придорожного костра, и все ему мало, и все кажется ему еще недостаточно профессиональным, чтобы выходить к всесоюзному читателю. Непростое это дело — набирать высоту. А он обрел поэтическое и гражданское право воссоздать в киргизской литературе образ Владимира Ильича Ленина, и партийный гимн всего мира «Интернационал» поют по-киргизски в переводе Маликова и его соавторов.

Можно, пожалуй, определить главное «действующее лицо» всего творчества Кубанычбека

Маликова. Имя ему — Время. Сегодняшнее. Изменяющееся согласно закону диалектики. Порой зовущее к прямой публицистике, порой торящее тропы в глубины человеческой души. Любое поступательное движение наделено и своими сложностями, которые нашли свое отражение в творчестве поэта. Не скажу, что дорога его была легка, — нет, признание пришло к нему далеко не сразу, не с первых строк. Кстати, начинал он с юмора и сатиры — с «пустячков», как многие, даже Антон Павлович Чехов. Потом Маликов перешел к иным жанрам, но серьезный и непреходящий успех первыми, как мне кажется, обрели его лирические стихотворения, многие из которых переложены на музыку, и лирические поэмы — «Встреча на берегу Иссык-Куля», «Киргизстан, край мой отчий»...

Однако он не из тех, кто успокаивается на достигнутом. Есть известный риск, когда зрелый и славный в народе поэт берется за драматургию. Но Кубанычбек Маликов и тут вышел победителем, драма его «Жаныл» до сих пор не сходит с театральной сцены.

И все-таки навсегда и главным образом остал-

ся лириком. Не надо думать, что лирика это лишь любовные признания или «шепот, робкое дыханье, трели соловья». Время сделало Маликова поэтом, прежде всего гражданственным. Вот как он сам сказал об этом в стихотворении под названием «Лирика».

Не за бумагой и столом —
Я лириком в то время стал,
Когда взрывчаткой и кайлом
В горах дорогу пробивал.

Пусть о влюбленных день и ночь
Поэты-лирики поют,
А для меня в любом труде
Любовь и лирика живут.

Живи же, лирика моя,
Не угасай, не умирай
И вечным пламенем своим
Сердца и души согревай.

(Перевод Я. Смелякова)

Сын крестьянина-бедняка, ставший высокообразованным интеллигентом, он не мог не воплотить в строчках собственную судьбу, харак-

терную для всей киргизской интеллигенции. Биография поэта — в судьбе народа.

Мне бы хотелось, чтобы, знакомясь с произведениями Маликова, читатель помнил бы о времени их написания. Иначе говоря, нельзя отрывать стихи от почвы, на которой они выросли.

Сами же стихотворения даже не буду пытаться комментировать. Считаю, что перелагать стихи прозой — занятие зряшное, а растолковывать их ни к чему: тот, кто возьмет эту книгу в руки, разбирается в поэзии, смею думать, ничуть не хуже меня. Что-то заденет за душу, а что-то, возможно, оставит равнодушным. Мне хотелось лишь передать свое ощущение поэта и человека Кубанычбека Маликова, каким я его знал, любил и продолжаю любить.

Говорю сейчас о нем — и мне одновременно радостно и грустно. Хочется, чтоб книга состоялась, как памятник поэту, — не из камня, а из живых строк, где слышится сердцебиение. Отношение мое к Кубанычбеку Маликову пристрастно; надеюсь, что его разделит «хороший и разный» советский читатель.

М. Соболев

СТИХИ

ВО ИМЯ СЧАСТЬЯ

ДОРОГОЙ ЛЕНИНА

На отчую землю гляжу я опять,
Мне взором просторов ее не объять,
И мыслью богатств мне ее не измерить,
И даже тех мест, где я рос, не узнать.

Как звезд во Вселенной не счесть никогда,—
В горах не сочтешь табуны и стада.
И всюду я вижу размах новостроек
И слышу могучие ритмы труда.

Взращен и взлелеян Отчизной родной,
Никто не обижен здесь горькой судьбой,
Тяжелою долей никто не унижен,
Никто не придавлен неправдою злой.

Здесь каждый свободно и вольно живет,
И завтрашний день никого не гнетет,
И каждый в семье равноправной и дружной
Хозяином жизни себя сознает.

Одно у нас небо и солнце одно,
И в доме у каждого счастья полно,
И в сердце у каждого жар вдохновенья,
И каждому право на радость дано.

На отчужденную землю гляжу я опять,
Отца вспоминаю и старую мать.
Казалось, на свет рождены они были,
Чтоб мучиться вечно и вечно страдать.

Лишенные права на счастье и кров,
Не знали они испокон этих слов;
Нужда и неправда, невзгоды и горе
Душили и гнули в дугу бедняков.

Прожорливый бай их кнутом понукал,
А бий¹ кровавый ногами пинал,

¹ Бий — судья.

Манап¹-лихоимец, жестокий и жадный,
Как темной скотиной, людьми помыкал.

Но грянул Октябрь — и сгинула мгла,
И в край мой киргизский свобода пришла,
Советскую власть на века утвердила
И право на жизнь человеку дала.

Согбенные плечи расправил отец,
И выбилась мать из нужды наконец.
Великого Ленина слово и дело
Согрели теплом миллионы сердец.

Как воздух, как вешних небес синева,
Нам дороги наши святые права
На творческий труд, на единство и братство,
На все, чем душа человека жива.

У нас этих прав никому не отнять!
А тем, кто нас грязью привык обливать,
На светлой, цветущей земле Киргизстана
Не лишне бы было хоть раз побывать.

¹ М а н а п — барин.

Пусть черные снимут очки, чтобы им
Глаза не туманил предвзятости дым.
Пусть сами увидят и сами оценят,
Какие дела мы сегодня вершим.

Пускай поглядят на свободный народ,
Что счастье своими руками кует,
Что в братском союзе республик свободных
Дорогою Ленина твердо идет.

ВО ИМЯ СЧАСТЬЯ

В историю войдет он вехой красной,
Закон великой ленинской страны,
Закон, в котором зримо, четко, ясно
Мечты простых людей воплощены.

Закон, в котором волею народа
На жизнь и вечность обрели права
Слова: единство, равенство, свобода —
Святые и бессмертные слова.

Закон, в котором светлый разум века
Вершит над злом и кривдой торжество.

Закон, в котором все для человека,
Для блага и величия его.

Закон, что дорог молодым и старым,
Где, словно песня, каждая строка.
Закон, несущий мир земному шару
На годы и на вечные века.

Закон, что в каждом сердце отзовется
Огнем, дающим и творящим жизнь.
Закон, в котором негасимо бьется
Всегда живая ленинская мысль.

У КАРТЫ ПЛАНЕТЫ

Вновь стою я в раздумье у карты планеты,
Розовеет рассвет за закрытым окном.
О, как много победного красного цвета
Расплескалось сегодня на шаре земном!

Красный цвет — это свет,
Что горит год от года
В чистом небе Отчизны высоким огнем.

Красный цвет — это символ единства народов,
Что начертан на знамени Красном моем.

Это Ленина свет,
Ставший солнцем всесветным,
Обогревший теплом миллионы людей,
Это зарево жизни его беззаветной,
Факел мысли и пламя бессмертных идей.

Красный цвет — свет могучей Советской державы,
Озаряющий людям дорогу во мгле,
Свет страны,
Утверждающей гордое право
На всеобщее счастье и мир на земле.

Красный цвет — свет мечты,
Что живет в человеке,
Свет надежды, которому вечно гореть.
Черной краской его не замазать вовеки,
Злобной силой вовеки его не стереть.

Это цвет в землю пролитой праведной крови
Сотен тысяч отважных борцов и бойцов,

Свет, зажженный святою и светлой любовью
Наших дедов и павших в сраженьях отцов.

Он идет из глубин строек, шахт и заводов,
С необъятных просторов колхозных полей.
Это свет завоеванной в битвах свободы,
Свет овечьих славой Октябрьских дней.

Он, как солнце, всему человечеству виден
И, как солнцу, ему негасимо светить.
Этот свет можно в злобе слепой ненавидеть,
Но нельзя никогда этот свет погасить.

Мы его навязать никому не стремимся,
И оружием мы никому не грозим,
Но своей правотою по праву гордимся
И гордимся спокойным величием своим.

И пускай на планете сегодня тревожно,
Мы сильны и, как прежде, уверены в том,
Что историю вспять повернуть невозможно
Ни мечом, ни зловещим нейтринным огнем.

Нынче людям глаза не закроешь обманом,
Клеветой не собьешь их с прямого пути.

И во тьме непроглядной,
И в хляби туманной
Люди сами решат, где им правду найти.

Я не лезу в жрецы, в мудрецы и в пророки,
В прорицатели тоже пока что не рвусь,
И всемирного счастья желанные сроки
Человечеству я предсказать не берусь.

Лишь в одном даже капли сомнения нету,
Лишь одно не устану всю жизнь утверждать:
Будет вечно алеть красным цветом планета,
Свету красному вечно над миром сиять.

ЛЕНИН УЛЫБАЕТСЯ

Весь мой край окидывая взором,
Видя, как взметнулись в небо горы,
Как, седые скалы пробуравив,
Выбегают реки на просторы,
Улыбается Ленин.

Видя, как проносятся кометы,
Мглу ночную рассекая светом,

Как садятся на вершины звезды,
Как встают над кручами рассветы,
Улыбается Ленин.

И когда, зиме пришедшей внемля,
Белой шубой снег укроет землю,
А в полях бескрайних, белогруды,
Побредут сугробы, как верблюды,
Улыбается Ленин.

Спит земля под одеялом белым,
Благу жадно впитывает телом,
Вольно дышит богатырской грудью —
Значит, поле урожайным будет...
Улыбается Ленин.

У весны серебряны ресницы,
Солнечным огнем она искрится.
Вот на взгорке полыхнул подснежник —
И ему, светло и безмятежно,
Улыбается Ленин.

Молоком, сметаною богата,
Ярким многоцветьем торовата,

Отшумит весна зеленым светом,
Отпылает грозами... И лету
Улыбается Ленин.

Изобильем крепкого кумыса
Лето, впрок порадовав киргиза,
Даст дорогу осени багряной...
Благодатной осени желанной
Улыбается Ленин.

Это он сквозь бури и метели
Указал нам путь к великой цели.
И, как мудрый проводник пытливым,
Вывел нас из мрака в мир счастливый.

Это он развеял в небе тучи
И такой энергией могучей
Шар земной наполнил, что вовеки
Не угаснет вера в человеке.

Взнес он нас к вершинам небывалым,
Одолеть помог нам перевалы,
Научил преодолевать невзгоды...
Родине,

Советскому народу
Улыбается Ленин.

Верю в светлый день,
Когда планета,
Ленинскою правдою согрета,
Дружбе щедро распахнув объятия,
Наши песни звонкие подхватит.
И тогда всем миром людям-братьям
Улыбнется Ленин.

Я ПАРТИЮ МОЮ БЛАГОДАРЮ

В тот день,
Когда вручили мне награду,
Которой увенчал меня народ,
Мне вспомнился седой хозяин сада —
Не знающий покоя садовод.

Он трудится без отдыха все лето,
Чтоб зреть и крепнуть каждому плоду.
Мне кажется,
Что тяжкий труд поэта
Сродни его упорному труду.

А я поэт.
И мне не знать отрады
И радости не ведать мне,
Пока
Деревья человеческого сада
Страдают от гнилья и сушняка.

Не брошу ножниц острых и жестоких,
Чтоб напрочь отсекались от стиха
Пустые, незначительные строки
И мыслей легковесных шелуха.

Пусть скромн сад мой,
Пусть над отчим краем
Шумят и краше, и щедрей сады,
В нем, что ни год,
Обильно созревают
Тяжелые и сочные плоды.

И всей душой
За радость песней новой
Встречать над садом вешнюю зарю
Благодарю я Ленина родного
И партию мою благодарю!

ГОВОРIT МОСКВА

Когда я слышу: «Говорит Москва!» —
Светлей и звонче неба синева,
И радостней природы пробужденье,
И солнце дарит свет улыбки мне,
И, просыпаясь, вижу я в окне
Улыбки этой щедрой отраженье.

Москва! С тобой я в новый день вхожу,
Твои слова в душе своей ношу,
А вечером включаю телевизор —
И кажется, я наяву с тобой,
И вновь, Москва, я слышу голос твой,
Что бесконечно дорог мне и близок.

Я вижу зал, где нет свободных мест,
Где собрались на свой партийный съезд
Со всей страны Советской делегаты,
Гляжу на них, волнением объят,
Как будто сам я тоже делегат,
Хоть нет в кармане у меня мандата.

От имени Москвы моей родной,
От имени страны моей родной,

От имени земли моей огромной светлой
По порученью партии моей,
Сплоченной правдой ленинских идей,
С трибуны говорят сейчас с планетой.

Звучат слова, весомы и сильны,
Высокой убежденности полны, —
И взоры всех простых людей планеты,
Как это было на земле не раз,
К Москве моей устремлены сейчас,
Устремлены к моей Стране Советов.

Летят слова во все концы земли,
Летят, как будто крылья обрели,
Над облаками, над метельной стынью.
Летят в эфир слова Москвы моей —
И озаряют верою людей,
И повергают недругов в унынье.

Друзья Москвы, друзья моей страны —
Своих народов верные сыны,
Ваш гордый дух,
Как пламень бурь, неистов!
Гляжу на вас —

И счастлив, что сейчас
Я во дворце Кремлевском вижу вас
На форуме советских коммунистов.

Я знаю вас. Я вас без слов пойму.
Я мысленно, друзья, вам руки жму,
По-братски заключаю вас в объятья.
И вижу добрый свет у вас в глазах,
И ощущаю на своих руках
Ответное тепло рукопожатий.

Мы Ленинскому знамени верны!
Нет нашей дружбе меры и цены,
Она в сраженьях классовых мужала.
В ней воедино слиты до конца
Отважные и честные сердца —
И потому она прочней металла.

Моя Москва! Спокоен голос твой,
Как голос справедливости самой, —
Брагам не заглушить его вовеки.
Ты верой в дело Ленина права,
И нет страны, где бы твои слова
Не находили отзвук в человеке.

Когда я слышу: «Говорит Москва!»,
Я чувствую, как в рост идет трава,
И вижу я, как неба ширь светлеет.
Спешу к делам своим — и мнится мне,
Что нет конца стремительной весне,
Что все вокруг цветет и молодеет.

И краше день. И ярче солнца свет.
И шар земной надеждой обогрет.
И свежий ветер прочь уносит тучи.
Звучит в эфире: «Говорит Москва!» —
И над землей плывут ее слова
Неистребимой музыкой могучей.

МОЯ РОДИНА

Это стихотворение написано в августе 1941 года, в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Моя родина — это Москва, что не раз
Обнимала киргиза, как сына,
Моя родина — это краса моих глаз,
Золотая моя Украина.

Моя родина — это Тянь-Шань и Кавказ,
Их взнесенные в небо вершины.

Моя родина — радости солнечный сад,
Бысь Памира, Алая нагорья.
Моя родина — мой Ленинград,
Штормовое Балтийское море.

Моя родина — славная Волга-река,
Краше нету которой на свете,
И Сибирь, чья душа, как тайга, широка,
Чьи богатства не счесть за столетья.

Моя родина — даль неоглядной страны,
Неохватные взглядом равнины.
Моя родина — степи, где мчат скакуны,
Шахт, упрятанных в горы, глубины.

Моя родина — жизни и счастья весна,
Край, где труд, словно песнь,
вдохновенен.

И такая сынам ее сила дана,
И такие дал крылья им Лени,

Что вовек, — как гроза ни была бы
страшна, —
Им пред ней не стоять на коленях.

Если даже всю землю затопит вода,
Если ядом по ней разольется беда,
И от боли она содрогнется,
И погаснет последняя в небе звезда,
И закатится солнце...

Но даже тогда
Нашей трусости враг не дождется.

Моя родина — это Советский Союз,
Та земля, где я вскормлен и впоен,
Та, которой сыновнею клятвой клянусь
В том, что буду ее я достоин.

В смертной схватке врагу мы обломим
клыки,

Будет небо над родиной чистым,
Ибо, как никогда, мы сегодня крепки
Верой в партию коммунистов!

ПРИХОДИТ РАЗ

Я мысли плавил, как металл,
Трудясь упорно, неустанно
Затем, чтоб стих мой четким стал,
И полнозвучным, и чеканным.

Я ждал необходимых слов,
Я чувств моих вскрывал глубины,
Чтоб сердца стук и ритм стихов
В груди сливались воедино.

...Птиц убивая на лету
И родников глаза смежая,
Зима приходит раз в году,
Все белым снегом одевая.

Но солнце примется за труд,
Под звон ручьев и птичье пенье, —
Раз в год тюльпаны расцветут
У нас в горах порой весенней.

Мир разом крылья распахнет,
Долины бархатом одеты.
А лес шумит и луг цветет —
Раз в год приходит к людям лето.

Но вот упал созревший плод,
И, щедрой силой налитая,
Как мать добрая, раз в год
Приходит осень золотая.

Подобно вспыхнувшим цветам
И облакам, летящим мимо,
Ты, молодость, приходишь к нам
Однажды и неповторимо.

Ты так прекрасна и светла,
Ты, как Чолпон — звезда рассвета,
На смену юности пришла,
Как шло весне на смену лето.

Но в опьянение этих дней
Не трать напрасно силы жизни.
Весь пыл, всю страсть души своей
Отдай народу и отчизне.

Но если, жалуясь всегда,
Живешь ты праздно, тускло, вяло,
Тогда и в юные года
Ты будешь старым и усталым.

ПИК ЛЕНИНА

Казалось, что будто б киргизские горы издревле
Судьбою от мира упрятаны были под землю.
Снега сединой серебрили макушки вершин,
Но горы дремали, годам и столетьям не внемля.

И даже отважным бывало порой не под силу
Подняться к вершинам по наледям выюжным и
стылым.

Суровые пики, пронзившие мглу облаков,
Как шпили надгробий, венчают погибших могилы.

Но шли смельчаки в наши горы и зла не таили,
И мы для друзей дастарханы радушно стелили —
Таков наш обычай: кто в дар жеребенка принес,
Того непременно верблюдом отдарят в аиле.

И словно добрели, всесилию дружбы внимая,
Хребты Ала-Тоо, скалистые кручи Алая.

И яркое солнце всходило над снежною мглой,
Свободой и счастьем мой край на века озаряя.

И Ленина слово в заоблачных высях звучало,
Катилось лавиной, гремело, росло и крепчало,
И вечная правда, которую людям он нес,
Негаснувший свет над зеленой землей излучала.

Летели, как птицы, крылатые, звонкие годы,
Крылатые люди взлетали в простор небосвода.
И самый высокий из пиков тьянь-шаньской гряды
Был именем Ленина назван киргизским народом.

Могучий и гордый в своей красоте величавой,
Над всею землею парит этот пик седоглавый,
Взнеся в поднебесье бессмертное имя вождя,
Величье его и его незакатную славу.

И счастлив я тем, что, пройдя по крутым
перевалам,
Достиг мой народ заревой высоты небывалой,
Что ленинской мыслью он мерит свой солнечный
взлет,
И пройденный путь, и грядущей дороги начало.

ВСЯ ВЛАСТЬ — СОВЕТАМ!

Я как-то был в одной из новых школ.
День выходной. И тишина, и пусто.
Я ненароком в светлый зал вошел,
Не ведая, что встречу там Искусство.

Смотрю: картину пишет ученик,
Совсем как взрослый, морща лоб при этом.
И я глазами к надписи приник:
«Вся власть — Советам!»

«Вся власть Советам. В памяти — Нева,
Октябрьским озаренная рассветом...
Начало эры, Ленина слова —
«Вся власть Советам!»

Здесь на картине вновь Ильич живет —
Над всей землею, без конца и края,
С трибуны той в грядущее — вперед
Стремительную руку простирая.

Народ, народ, народ со всех сторон —
Счастливые, взволнованные лица,
И слава революции знамен
На них багряным отблеском ложится.

Мне через годы снова слышен клич,
Гремящий в Смольном под высоким сводом:
— Вся власть — Советам! — говорит
Ильич, —
Трудящимся — земля! И мир — народам!

По людям видно — жили тяжело,
Но в самый первый день Советской власти
Вот здесь к народу Лениным пришло
Веками ожидаемое счастье.

И потому мы не свернем с дорог
Под ярким солнцем — ленинизма светом,
И потому киргизский паренек
Готовит полотно: «Вся власть — Советам!»

Уже работы близится конец,
Уже знамена вспыхнули, пылая...
— Откуда ты? Где твой живет отец?
— А он колхозный конюх в Чон-Алае.

Ты высоко сейчас подняться смог,
Услышать сердцем поступь революций
И к Ленину душою прикоснуться,
Табунщика алайского сынок!

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

С тех пор, как я на белый свет гляжу,
С тех пор, как я перо в руке держу,
Земля родная служит мне опорой,
Земля отцов, которой дорожу.

Я видел много и земель, и стран —
Прекрасней нет земли, чем Киргизстан.
Я вновь и вновь судьбу благословляю
За то, что Киргизстан мне ею дан.

Нет, я кривить душою не привык:
Любой народ велик и разнолик.
Но только вместе со своим народом
Поэт по-настоящему велик.

Скажу, другие земли не хуля,
Покуда есть киргизская земля —
Ни дни разлук, ни годы расставаний
Меня от гор ее не отдалят.

Здесь с колыбели все отратно мне,
И любо все, и дорого вдвойне:

Простор долин, ущелий сумрак теплый,
Снега и льды в бездонной вышине.

Земля моя! В чем виноват — прости!
Готов себя я в жертву принести,
Чтоб жил народ мой в счастье и в согласье,
Чтоб по весне садам твоим цвести.

И предкам поклонюсь я тыщу раз,
Отцам и дедам, заронившим в нас
Святой огонь любви к родному краю,
Огонь, что и поныне не угас.

Для чести и для славы рождены,
Заветам их и помыслам верны,
Мы в землю, где они пустили корни,
Сыновнею любовью влюблены.

И чтим мы их за то, что в дни невзгод,
Кочуя по горам из года в год,
Они родную землю отстояли
И сохранили веру в свой народ.

Я горд за них, умевших дорожить
Землей своей, где нам любить и жить.

И счастлив тем, что получил в наследство
Я право краю отчему служить.

РОЖДЕНИЕ МЕЛОДИИ

По новому руслу несется река,
Стремится в долину с предгорий,
И там, где курились дымки кыштака¹,
Раскинулось горное море.
Над новым поселком шумят деревья,
По-девичьи гибки и юны.
И зреет мелодия в сердце певца.
И ей отзываются струны.

Как город, просторен поселок и чист —
Здесь нет глинобитных домишек.
С поющим комузом² в руках комузист
На главную улицу вышел,

¹ Кыштак — поселение в Киргизии.

² Комуз — киргизский трехструнный щипковый музыкальный инструмент.

Взглянул на лучащие свет фонари
И, струны тугие встревожив,
Мелодией щедрой своей одарил
Спешащих навстречу прохожих.

В ней слышался стройки ударный накал,
Гром взрывов, сметающих кручи,
Как будто певец это диво соткал
Из огненных тактов могучих,
Как будто живую душой наделил
Он каждую звонкую ноту,
Как будто в мелодию звонкую влил
И яркие краски цветущей земли,
И строгие ритмы работы.

К заоблачным пикам,
Где вился туман,
Взмывала она, как на крыльях.
И люди называли ее «Киргизстан»,
И ветры ее подхватили,
И бурные реки ее понесли,
И горы её чутко внимали,
И были раскрыты её шири земли
И дымные звездные дали.

Над солнечным краем,
Как птица, плыла
Мелодия мощная эта
И властно людей за собою вела
Навстречу встающим рассветам,
И шла, осененная шелком знамен,
Крылата,
Призывна,
Лучиста,
В безбрежном потоке рабочих колонн,
В железных рядах коммунистов.

ИДУ ПО ЖИЗНИ КОМСОМОЛЬЦЕМ

Ровесник славных и суровых лет,
Наполненных трудом и вдохновеньем,
Недавно комсомольский свой билет
Я сдал в музей на вечное хранение.

Он под стеклом покоится в тиши,
Билет, что сердцу дорог, как святыня.

Я сдал его.
Но молодость души
И силу рук я сохранил поныне.

И в сердце я по-прежнему ношу
Все ту же верность ленинским заветам,
И как в тревожной юности дышу
Романтикой великих пятилеток,

И песни комсомольские пою,
И труд, и стих свой отдаю Отчизне,
И правду, обретенную в бою,
Ценю я, как и прежде, выше жизни.

Стал в двадцать пятом комсомольцем я
И, думая с волнением о вчерашнем,
Жалею, что по возрасту, друзья,
Я в комсомол не принят годом раньше.

Что мне билет, с которым я вошел
В большую жизнь певцом эпохи новой,
Не выдан в день, когда мой комсомол
Был Ленинским навек поименован.

И пусть простят за хвастовство меня,
Но только лишь за хвастовство — не боле,
С того незабываемого дня
Себя я все же числю в комсомоле.

В музей я комсомольский сдал билет,
Что был храним у сердца ежечасно.
Я сдал билет,
Но пламя юных лет
В душе моей с годами не угасло.

И вновь во мне, светла и горяча,
Сквозь времени клубящуюся заметь,
Искрится, как горящая арча,
Тех дней неугасающая память.

И, напрочь позабыв о седине,
Крутой дорогой, озаренной солнцем,
Шагаю по стране и по весне
Задорным и бесстрашным комсомольцем.

Уверенно звучат мои шаги.
Я слышу их — и потому я знаю,

Что будут вечно молоды стихи —
Те, что сложил, и те, что вновь слагаю.

И сколько бы на свете мне ни жить,
Я буду счастлив выпавшей мне долей:
Отчизну славить,
Партии служить
И в полный голос петь о комсомоле!

ОГОНЬ В ГОРАХ

Мы встали на склоне высокой горы,
Над нами раскидистых елей шатры.
С далеких вершин, где нетающий лед,
Нам ветер вечернюю свежесть несет.
Кончается лето,
 стал короток день,
В ущелье лиловая стелется тень.

* * *

Прохладно...
 Сгущается вечер в горах,
И небо в мерцающих ярких огнях,

Для звездной отары широкий простор...
Ручья не смолкает серебряный спор,
Он камешки моет, колеблет лозу,
И ждет его песен долина внизу.

А ночь холодна, и согреться пора!
Мы хворост сухой соберем для костра.
— А ну-ка, несите, друзья, поскорей
Побольше опавших еловых ветвей.

Положен крест-накрест рогатый сушняк,
Дрожащее пламя рассеяло мрак.
Стал искрами сыпать пылающий стог...
И вдруг из распадка подул ветерок,
Клубящимся дымом глаза нам слезя.

Сидят у костра вкруговую друзья, —
Их много, и всех я назвать не могу
Друзей из Москвы, из Ташкента, Баку...
Но всем нам тепло у большого костра.
И песня в ущелье звенит до утра,
Все шорохи ночи собой заглуша.

Ах, ночь, до чего же она хороша!
И к сердцу хотел бы прижать я сейчас

Гостящих в Тянь-Шаньском ущелье
у нас.

Огонь полыхает, как флаг ветровой,
Ночь пахнет душистою горной травой.
Все жарче костер,

веселей его треск,
И снежные цепи нам видны окрест.
Тянь-Шань озарил этот ласковый свет.
Вдруг громкую песню запел Шеремет:
«Мы славим огонь, разгоняющий тьму. ...»
И Вацис из Вильнюса вторит ему.
Узбекской республики пламенный сын,
Поднялся тогда молодой Мирмухсин,
Он пляшет легко, словно ветром несом..
Качаются сосны, объятые сном,
Их бронзовый круг выступает из мглы,
И смотрят поэты на эти стволы,
И гладят руками,

и кажется им —
Стал край наш для каждого сердца
родным

Кто гость, кто хозяин?

Одна здесь душа,

И, угли в горящем костре вороша,
Промолвил с Алтая приехавший друг:
— Мы братья,

и реки, и горы вокруг,
Леса и джайлоо¹ такие у нас! —
Он был, словно я, коренаст, узкоглаз,
Но нас породнила не общая кровь —
Сыновняя к родине нашей любовь.

Ох, жарок багряного пламени взмах!
Киргизские юрты на горных лугах
Таким же горячим дыханьем полны.

...Светает, в долине айлы видны,
И звезды бледнеют,

их час настает.
Костер наш пылает, как ранний восход,
Как будто бы в небо высоко взметен
Пурпуровый лес огнецветных знамен.
Торжественный свет озаряет простор,
И я неотрывно гляжу на костер,
И символом дружбы он кажется мне...

¹ Д ж а й л о о — летнее пастбище.

На склоне горы мы стоим в тишине.
Здесь горного лета прощальная дань,
Цветы раскрываются в раннюю рань.
Нам издали сосны кивают, темны,
Прохладу нам ветер струит с вышины.

ПЕСНЯ ПОГРАНИЧНИКА

Если камень, простучав,
С горной кручи упадет
И архар¹, вскочив стремглав,
Мчится вниз с крутых высот,

Рассказать всегда могу,
Что случилось здесь в горах, —
Пограничник начеку,
Пограничник на часах.

Далеко во все концы
Мир открыт здесь предо мной:
Гор горящие зубцы
В час восхода огневой.

¹ А р х а р — горный козел.

И, отчетливо слышна
В этот ранний, свежий час,
Песня друга-чабана
До меня вдруг донеслась.

Пусть спокойно дети спят.
В тьму ночи вперяя взгляд,
На родимых рубежах
Пограничники стоят.

Я отчизну берегу,
Днем и ночью здесь в горах
Пограничник начеку,
Пограничник на часах.

КАРА-СУ ¹

Петляя в разросшемся горном лесу,
Шумит по ущельям река Кара-Су.
Вода ее сини небесной синей.
Напьешься, и станет на сердце ясней,

¹ К а р а - С у — Черная Вода.

И бодрость вселит в тебя каждый глоток.
Но долго, по правде, понять я не мог:
Зачем ее Черной рекою зовут?
Река, как лазурная вьется тесьма,
Прозрачна — все камушки видны
насквозь.

Когда же сюда завернула зима,
Метель зашипела, плюясь, как верблюд,
Железным копытом ударил мороз,
Речушки, спасаясь, нырнули под лед.
И лишь Кара-Су не замерзла одна:
Все так же шумит, устремляясь вперед,
На белом снегу словно выдра темна.

Из черных глубин вырываясь земли,
Роняет река на бегу жемчуга,
Охота ей, чтобы долины цвели,
Чтоб зелены были всегда берега —
Она их дыханьем согрела своим.
Когда ж мы ей новое имя дадим?
Река голубым полыхает огнем,
Река согревает живым нас теплом.
Довольно нам Черной ее называть!
Когда ее Светлой рекой назовем?

ГРЯДУЩЕЕ

Сколько, товарищи, пройдено нами?
Глянешь назад — и виднеются еле,
Издали кажутся просто холмами
Горы, которые мы одолели.

Каждые сутки приносят так много —
Жадному сердцу все мало и мало,
Словно мальчонкою в галстук алом
Только сегодня я вышел в дорогу.

Не наглажусь, не наслушаюсь вволю,
Рвусь я мечтою в грядущего дали.
Нет, никогда и во сне не видали
Прадеды нашу счастливую долю.

Слышите — движется строй нерушимый.
Близко грядущее. Мы на пороге.
Тот не джигит, кто в пути на вершину
Вдруг повернет с половины дороги.

Счастье — ведь это колонной могучей
Двигаться вместе все дальше и выше.

Где, поднимаясь все круче и круче,
Сердцем я сердце товарища слышу.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ ¹

На пути в Ленинград

С тех пор не раз снега сходили с гор,
Не раз ручьи весенние гремели,
Но помнит сердце,
Помнит до сих пор
Те памятные грозные недели.

Мы были больше месяца в пути —
Везли продукты в осажденный город.
Его в те дни держал за горло голод...
О память сердца,
Ярче мне свети!..

¹ В марте 1943 г. поэт побывал в осажденном Ленинграде в составе киргизской делегации, сопровождавшей эшелон с продуктами — дар Киргизстана Ленинграду. (Примеч. переводчика.)

В ночное небо, крылья распластав,
Врезались с ревом вражьи эскадрильи.
Чтоб с воздуха не виден был состав,
Мы окна одеялами закрыли.

Усталый надрывался паровоз —
Угля ему, бедняге, не хватало,
Но старый вез,
Хоть через силу — вез,
Вез под дождем горячего металла!
Потом взамен угля пошли дрова.
Лимит, паек. И людям, и машинам.
Наш паровоз дышал едва-едва,
И все же из последних сил спешил он.

Мы ехали под пулями врага,
Налеты повторялись то и дело...
И вот открылись чистые снега —
То Ладога в глаза мои глядела.

Машины шли. Им не было конца.
И были все белы. И все спешили.
Хлеб и свинец везли они борцам,

Которые

в блокаде —

жили!

Мы двигались в колонне. И мела
Весь день метель над Ладогой ретиво.
Ледовая дорога нас вела
Туда, откуда доносились взрывы.

Солдаты в белом охраняли нас.
И на земле, и в небе — враг был рядом.
Обстрелы повторялись каждый час
В те памятные дни под Ленинградом.

Нас в этот город
Дружба привела.
Снаряды нам дойти не помешали.
Мы ленинградским воздухом дышали!
Дорога через Ладогу была
Бела!

В Ленинграде. Завод

Фашисты лезли в город. Напролом.
Его кольцом железным окружили.

Но люди и работали, и жили,
Хоть смерть стояла за любым углом.
Да, каждый день
Героев уносил.

Но люди под обстрелом не дрожали,
И то, что ежедневно совершали,
Казалось выше человеческих сил.
На город сыпалось железо градом,
Но не сбивало вахты трудовой —
Снаряды делались под гром снарядов,
Точились бомбы под фугасок вой.
И званья ленинградца был достоин
Любой рабочий и любой солдат.

...Гостей радушно принял город-воин.
Гостей, как братьев, обнял Ленинград.

Мы видели завод. Ревели танки.
Оружие ковалось день и ночь.
С конвейера — в жестокие атаки.
Враг не выдерживал, катился прочь.
Рождался в Ленинграде свой металл!
Пришельцев мы металлом одолели.
Враг погулять по городу мечтал,
Но силой был поставлен на колени.

Снег в городе

Всю ночь валил тяжелый мокрый снег.
Засыпал тротуары и дороги.
А утро нам преподнесло уроки —
Они остались в памяти у всех.

Орудя лопатами, вокруг
Стояли женщины. Росли сугробы,
И открывалось полотно дороги.
Да, был нелегок этот зимний труд.
Они ж его за подвиг не считали,
Все это было будничным для них.
А ведь сюда снаряды долетали,
И смерть могла настигнуть
Каждый миг.

Великое стремление к порядку!
Я вышел и лопату попросил,
Я заменил большую ленинградку
И стал работать, не жалея сил.
Царили в городе свои законы,
Мне сразу по душе они пришились.
Я окунулся в общие заботы —
Без передышки шла борьба за жизнь.

И были все вокруг неколебимы.
Я знал: таких не одолеет враг.
Мне открывались мужества глубины.
И отступал, откатывался страх.

Обед в Смольном

Я помню Смольный тех далеких лет,
В кругу друзей блокадный наш обед.

Входили офицеры. Четкий шаг.
Погоны на плечах. В глазах усталость.
«Таким, — подумал я, — неведом страх. . .»
Великая судьба им всем досталась».

И был обед их до предела прост —
Без мяса каша, чай, кусочек хлеба.
Но каждый, съев его, спешил на пост,
Туда, где взрывы озаряли небо.

Шли, затянув потуже пояса,
Шли, будто бы наелись до отвала,
Туда, где фронтовая полоса
Их ураганом смерти обдавала.

Да, ленинградцами гордился я.
Вливалась в душу радостная сила —
Стояли, как гранит, мои друзья.
Назад ни шагу!
Это клятвой было.

Я думал: «Эти не согнутся, нет,
Не побегут под натиском металла...
И будет мир. И будет белый хлеб,
И яблоки, и мясо, и сметана...»

Теплая рубаха

Когда взревели злобные метели,
Пронизывая тело до костей,
Нам всем рубахи теплые надели —
Нас холили, как дорогих гостей.

И я подумал:
«Нам теперь не страшно,
Нас не прохватит, как бы ни мело».
Сосредоточились в рубахах наших
Гостеприимство, ласка и тепло.

Себя мы чувствовали как в доспехах,
Казалось, нас и пуля не возьмет.
Рубахи были нам дороже меха,
Кто это испытал — меня поймет.

Такие дни забудутся едва ли,
Когда сердца заботой согревали.
Нас ленинградцы за руку вели,
И вместе мы мороз одолевали.

В театре

Один из вечеров мы провели
В театре. Да, представить трудно это.
Но ленинградцы на спектакль пришли.
Откуда в этих людях столько света?!

Я б мог подумать: «Кончилась война», —
Когда б вдали сирена не взывала, —
По кругу, как в былые времена,
В большом фойе гуляли театралы.
Их речи не были отрешены —
О завтрашних заботах говорили.
Их лица были серы и бледны —
И все ж они театр озорили!

И стало вдруг светлее и теплей
В давно уже не топленном театре...
(Да, театралы тех жестоких дней
Запечатлелись в памяти, как в кадре.)

И взвился занавес.
О сила слов!
Перед тобой склоняюсь молчаливо.
Был монолог и сдержан, и суров.
Поддался зал поэзии порыва.
И вскоре холоду пришлось бежать,
И начало пространство нагреваться...
И было трудно слезы удержать,
Когда взорвался зал грозой оваций!
А голос жил, царил и ликовал,
В груди актера, видно, солнце было.
Он это солнце щедро раздавал,
И каждому тогда его хватило.
И мы забыли, что вокруг мороз,
Глухая ночь, блокада, артобстрелы...
Нам видеть вдохновенье довелось!
И сердце каждого
Его огнем горело.

Заключение

С тех пор не раз снега сходили с гор,
Не раз ручьи весенние гремели,
Но помнит сердце,
Помнит до сих пор
Те памятные грозные недели.

С тех пор прошло уже немало лет.
Следов войны нигде давно уж нет.
Сияет город красотой вечной,
Но в сердце навсегда остался след.

А ветры времени поют, гудят
И факел памяти,
Бывает, задувают...
Пусть помнит мир
Блокадный Ленинград,
Пусть никогда его не забывает!

Его неповторимая судьба —
Наука всем кровавым сумасбродам.
Да, город был врагу не по зубам —
В нем билось сердце нашего народа.

Наш Ленинград — ворота в новый век:
Ведь это здесь «Аврора» прозвучала!
И гордо распрямился человек,
И это было новых дней начало.

По этим улицам ходил Ильич!
К нему под стяг стекались миллионы...
Друзья, мне это нелегко постичь,
И я смотрю на камни удивленно.

Наш Ленинград — источник новых зорь:
Он сонным посылает свежий ветер.
Наш Ленинград — Земли великой соль.
Вовеки будет город прям и светел.

ДУША ЧЕЛОВЕКА

ВЫСОТА

Зовешь ты высокими
В небо взнесенные горы,
Чьи снежные кручи
Порою невидимы взору.
И солнце, и небо,
Что разум пытливый тревожат,
И лунные дали
Зовешь ты высокими тоже.

И птичий полет
Ты высоким полетом считаешь
И сам в поднебесье
На крыльях взметнуться мечтаешь.
Стремишься поспорить
С извечным земным притяженьем,

Чтоб завтра же стало
Стремленье твое совершеньем.

Тут не о чем спорить.
Тут все, разумеется, ясно:
Влечет высота нас —
И это, конечно, прекрасно.
Но часто высокими
Вижу я дали иные —
Глубины морей
И бездонные глубы земные.

Высокой мне видится
Сила народа-героя,
Народа, что счастье
Своими руками построил,
Народа, что первым
Взметнул высоко над планетой
Победное знамя
Свободы и вечного света.

И сердце девчонки,
Спешащей на зорьке к штурвалу,
Наполнено юным,

Горячим, высоким накалом.
И свежие борозды
В поле безбрежном и чистом
Полны до предела
Высокого, ясного смысла.

Живи, осененный
Высокою, светлою правдой,
Чтоб труд твой упорный
Был целью высокой оправдан,
Чтоб в деле высоком
Не знать ни минуты покоя —
И люди тебя
Вознесут высоко над землею.

Но только не жди,
Что придет к тебе легкая слава —
Не небом дается
На крылья высокое право.
Чтоб мог ты достигнуть
Высоких межзвездных просторов,
Ищи на земле
Для высокого взлета опору.

О СЛАВЕ

В киргизской бедной юрте я рожден,
Но на судьбу доселе не в обиде,
Что сквозь тундюк¹ я видел небосклон,
Что сквозь тундюк луну и звезды видел.

Я вырос в горном песенном краю,
Где знают цену сказанному слову.
Ласкали юность трудную мою
Заоблачные ветры Ала-Тоо.

Мне в Лондоне не довелось бывать,
Нью-Йорк я знаю только по рассказам,
И до сих пор, — по совести сказать, —
В заморских землях не был я ни разу.

И мне тягаться с теми смысла нет,
Кто удивить торопится сограждан
Тем, что сумели повидать весь свет,
Что за границей были не однажды.

¹ Т ю н д ю к — отверстие в крыше юрты.

Иной и впрямь всю жизнь провел в пути,
Нисколько не тоскуя об Отчизне,
Но как ни бился, не сумел найти
Себя в самом себе и места в жизни.

И славы он в дороге не нашел,
И не нашел того, к чему стремился,
И не обрел друзей он, и душой,
Как ни хотел, ни с кем не породнился.

Как видно, дело все-таки не в том —
Был в дальних странах ты иль вовсе не
был,

А дело в том, что утвердить трудом
Себя мы в силах и под отчим небом.

И пусть невелики твои дела,
Ты ими жизнь наполни до предела.
Ведь как бы ни мала была игла,
Она в конце концов сгодится в дело.

Старайся жить, как долг тебе велит
(А где живешь — речь не об этом, право).

И ты увидишь, как за край земли
Взлетит твоя заслуженная слава.

ДУША ЧЕЛОВЕКА

В твердь земли проникаем мы пристальным
взглядом,
Как она ни была б глубока и крепка,
Извлекаем из недр драгоценные клады,
Что под спудом земным пролежали века.
Но душа человека загадкой для нас остается.

Сколько помним себя, мы ведем неотступно
Со стихией досель неоконченный спор.
Мы не знаем преград. Нам сегодня доступны
Дно морское и выси заоблачных гор.
А душа человека загадкой для нас остается.

Мы постигли бессчетные тайны природы,
Что вчера лишь загадкою были для нас,
И взлетаем в безбрежную синь небосвода,
Обживаем Луну, торим тропы на Марс.
Лишь душа человека загадкой для нас
остается.

А ведь это в ее глубине сокровенной
И таится та сила, та жаркая страсть,
Что взнесла человека в просторы Вселенной
И над гордой природой дала ему власть.
В чем же все-таки тайна всесилья души
человека?

В чем истоки ее вдохновенного пыла,
Что питают нас жаждой дерзать и творить?
Почему даже горному льду не под силу
Вечный жар человеческой души остудить?
Нет труднее загадки, чем тайна души
человека.

Можно тело рассечь и проникнуть под кожу,
Из груди вырвать сердце, его раскрошить.
Но и даже тогда мы постигнуть не сможем
До сих пор неразгаданных таинств души.
О, душа человека — великое чудо природы!

ПРЕДАННОСТЬ

«Я — твой друг!» — нет во мне к этой фразе
доверья,
Хоть за долгую жизнь ее слышал не раз.

Словом «преданность» дружбу я издавна мерю,
Словом, стоящим сотен затасканных фраз.

О, как емко оно — это доброе слово простое,
Только в нем дружбы истинный смысл заключен:
Друг в беде — и не знаешь ты сна и покоя,
Друг в огне — и насквозь ты огнем опален.

Пусть обида чертою меж вами осталась,
Стал чужим тебе друга давнишнего дом,
Ранен друг — и спешишь ты,
Забыв про усталость,
Чтоб потуже стянуть ему рану бинтом.

Кровь до капли отдашь ты ему, если нужно,
Хоть в постельном режиме нуждаешься сам...
В грош обида, коль сдобрена вечная дружба
Хлебом тем, что делили вы с ним пополам.

И одно озаряло вас солнце большое,
И мечтою одной уносило в зенит,
Потому вас и тянет друг к другу душою
Через горечь вчерашних разлук и обид.

Все проходит — привязанность, нежность,
сердечность,
Все, что смолоду всем нам дается сполна.
Все проходит...
Но преданность — это навечно,
Ею мерится истинной дружбы цена.

ВЗЛЕТАЮТ ПТИЦЫ НА РАССВЕТЕ

Слепящий снег хрустит под сапогами,
Деревья в сизом инее стоят...
«Наверное, зима скрипит зубами...» —
В такую стужу люди говорят.

А тут еще — и хлесткий, стылый ветер...
И на беду мороз все злей и злей...
Но ввысь взлетают птицы на рассвете,
Как будто там надежней и теплей.

Гляжу на них в раздумье онемелом,
Себя судить безжалостно готов
За то, что я еще так мало сделал
(Хоть столько лет прошло и пролетело)
Хороших, вровень с временем, стихов.

Смогу ли я сложить такие строки,
Чтоб жить им на земле за годом год,
Чтоб в жгучий зной
И чтоб в мороз жестокий
Рвались они, как птицы, в небосвод?

ДОМ БЕЗ МАТЕРИ

Если знаю, что в доме твоём
Нежной матери нет у младенца,
Боль тисками сжимает мне сердце
И не греет мне душу твой дом.

И теряю покой я и сон,
И такую томлюсь мастою,
Будто стал я и сам сиротою,
Будто сам я судьбой обделен.

Дом без матери — злая беда,
Нет дверей в нём
И окон в нём нету,
И весеннему яркому свету
Не согреть этот дом никогда.

И убог он,
И мрачен,
И слеп,
Звонкой радости в нем не бывает.
Даже воздух с трудом проникает
В этот дом, как в заброшенный склеп.

Дом без матери полон тоски,
Он гнетет безысходностью жгучей,
Словно русло песчаной реки,
Словно небо в клубящихся тучах.

Только здесь — до озноба в крови —
И поймешь, как нужны нам бывают
Теплота материнской любви,
Материнская нежность святая.

Все от матери,
Все, что в нас есть,
Что заложено в нас с колыбели:
Справедливость,
Достоинство,
Честь,
Верность долгу
И преданность целу.

И чем дольше живем, тем ясней
Сознаем мы, мужая в невзгодах,
Что нас всех сотворила природа
Плоть от плоти своих матерей.

Боль и радость познав на веку,
Мы поймем непременно однажды:
Чтоб там ни было в жизни,
Но каждый
Перед матерью в вечном долгу.

И вовек нам прощенья не знать,
Уваженья людского не видеть,
Коль бездушьем и черствостью мать
Хоть однажды посмеем обидеть.

Ну, а тот, кто, себя лишь любя,
Мать обидою ранить посмеет,
Уподобится подлому змею,
Что безжалостно жалит себя.

Лучше б солнца не видеть ему,
Лучше б вовсе ему не родиться,

Чем над матерью в пьяном дыму
Или в злобе звериной глумиться!

Дом без матери — дом без дверей,
Дом без окон,
Без вешнего света.

Люди, внимлите слову поэта:
Берегите своих матерей!

Пусть цветущей садами земле
Дарит солнце веселые краски.
Пусть растут ваши дети в тепле
Материнской заботы и ласки!

МОЯ ОПОРА

В горах, где путь-дорога нелегка,
Я повстречал однажды старика —
Согбенного, седого...

К завершенью
Клонила жизнь его наверняка.

Тропинкою, взбегавшею на склон,
Он шел, потомством тесно окружен:

Шагали рядом сыновья и дочери,
И внуки стайкой двигались вдогон.

И было сразу видно, что старик
Еще покуда духом не поник:
Он спину распрямлял и улыбался
Внучонку, что к руке его приник.

Хоть труден и извилист в гору путь,
Он не спешил присесть и отдохнуть.
В наследниках свою опору видя,
Он, видно, знал, в чем долгой жизни суть.

И с ним сравнив себя невольно вдруг
И оглядевшись мысленно вокруг,
Увидел я поэтов юных поросль
И услышал стихов певучих звук.

И, как отец любимым сыновьям,
Дороги доброй пожелал им я.
И пожелал, чтоб крепла и мужала
Поэтов многоликая семья;

Чтоб, как на скачках мчатся бегунцы,
Стихи летели — радости гонцы.

Чтоб побыстрее расправляли крылья
Для взлета дерзновенного птенцы;

Чтоб был высок и светел их полет,
Чтоб от накала песен таял лед —
Ведь сила их задора молодого
И мне для взлета силу придает.

Гляжу я на собратьев молодых —
И хочется мне быть одним из них,
И заново, спустя десятилетия,
По-новому сложить свой первый стих.

Да, счастлив, видно, только тот поэт,
Кто на исходе быстротечных лет
Гордиться вправе тем,
Что смог зажечь он
Поэзии неистребимый свет.

УЧИТЕЛЬ

Скажут: «учитель», а слышится мне: «созидатель»,
И великана всесильного видит мой взор...
Вот он сейчас

В руки молот тяжелый подхватит
И раскрошит твердь могучих заоблачных гор.

Сколько живу на планете я,
Столько читаю,
Сколько учусь,
Все твержу я себе: не ленись!
Но подмастерьем пока лишь себя я считаю,
Учеником у науки по имени — жизнь.
О, как не просто все время идти, поспевая,
За караваном годов,
Устремившихся ввысь.

Сколько живу,
Вспоминаю, как дивное чудо,
Первое слово,
Что в школе из букв я сложил,
И до конца своих дней я уже не забуду
Белый мелок,
Что учитель мне в руку вложил.

Жизнь подносила мне множество трудных
открытий,
Я не стремился по ней прошагать налегке.

Помню, как вызвал к доске меня первый учитель,
Помню, как ниткой тянул я слова на доске.

Я не начетчик.

Но сколько сравнений невольно

В голову лезут —

И истина в каждом видна:

Ловчего сокола пестует мудрый сокольник,

Опытный тренер готовит к байге скакуна.

Коль хорошо подготовлен скакун к состязанью,

Будет на скачках жокею победа дана.

Если мальчишку поймет и поддержит учитель,

Будет сквозь годы дорога ему не страшна.

Слышу: «учитель», а видит мой взор садовода,
В знойной пустыне взрастившего сказочный сад.

Сил не жалея, трудился он многие годы,

Чтобы плодами обильными сад был богат.

Сажены те, что своими сажал он руками,

Корни пустили и кронами радуют взгляд.

Мог по годам он сойти мне за младшего сына,

Тот садовод.

Но не возраст я в людях ценю.
Пусть уж давно голова моя в белых седирах,
Перед учителем низко ее я склоню.
Он мой наставник.
И сколько ни жить мне на свете,
Добрую память я в сердце о нем сохранию.

Только тому, кто учителя помнит и ценит
И почитает во всем, как отца или мать,
В долгом пути и его ученик не изменит,
В деле высоком сумеет наследником стать.

В ВЫШИНЕ

Свежий ветер свистнул в ушах,
Схожий с шумной, горной рекой,
И машина на тормозах
Под уклон съезжает крутой,
А потом рванулась вперед,
Словно ловчий сокол летя...
Горный ветер не отстает,
Придорожную пыль крутя,
Подгоняет, торопит он...
А дорога стала темна,

Шелестит ольха перед сном,
И серебряным колесом
Над скалою кружит луна.

А в ущелье гомон и звон.
То ручьи стекают с вершин,
Торопясь, летят под уклон
Средь растущих ив и рябин,
Шелестящих узкой листвою, —
Им ручьи о тайном звенят...
Мне напомнил их блеск живой
Молодой красавицы взгляд.
Под луною вдруг ожила
Уходящая вверх скала,
Тучка, став подобьем кошмы,
Вниз к бегущей воде сползла
И ущелье заволокла,
По которому едем мы,
Батой серою и сырой...
Горы, горы, подзвездный строй
Недоступен даже орлам...

Жадно смотрим по сторонам, —
Здесь кругом такая трава,

Что лоснящийся сытый скот
Стал ленивым, щиплет едва...
На вершине тают снега,
Родничок негромко поет,
И прохладные жемчуга
Орошают все время луг,
В юрте пышет жаром тюндюк,
Там пастух живет, скотовод.

Без дорог до этих высот
Овцы прежде бы не дошли...
Не паслись и коровы тут, —
Не дойдя костью бы легли.
Шею вытянув, брел верблюд...
Опасаясь в пропасть слететь,
На коне отборном своем
Ехал всадник, он бросил плеть.
И с опаскою и с трудом
Пробирался средь мрачных скал...
Но ударил здесь аммонал,
Камни, с лошадь величиной,
Словно тыквы разорвались.
Над ущельем грохот новис,
Снеговые руша пласты.

И теперь дорога ведет
Вплоть до облачной высоты.
Под ногами
 дымный провал, —
Оступиться немудрено.
А дорога промежду скал
Кружит, словно веретено.
Выше, выше...

земля дрожит.
Мы берем последний подъем,
Будто нас не машина мчит,
А на туче едем верхом.
Здесь, в краю счастливой мечты,
Склоны гор покрыли цветы.
Окрыляя людям сердца,
Воздух молодость всем дает.
Горным пастбищам нет конца,
И по пастбищам бродит скот.

А пониже, не торопясь,
Кто-то вновь обходит стада,
Лает сонный пес иногда.
А вода бежит, серебрясь,
И в журчащий этот ручей

Смотрят звезды ярким глазком.
Что прекрасней горных ночей?
С детских лет я с ними знаком.
Я о многом думаю здесь.
Тут богатств в глубинах не счесть.
Доберемся мы до глубин!
...Отражая солнечный луч,
Скалы светятся, как рубин.
Здесь встречал я богатырей,
Каждый, как Кожомкул, могуч —
Поднимал он лошадь шутя.
Люди дружно трудились тут,
Глыбы каменные вертя,
Как добычу мощный бургут,
Обновляя землю свою,
Возрождая свой дивный край.

Я сказал бы, что мы в раю,
Если б верил хоть малость в рай.

Здесь трава — архаров приют,
Горный гребень безмерно крут,
Как на гонках мчимся вперед,
Запах луга прян и остер,

А мотор наш сильный ревет:
«Покорили мы выси гор!»
Вместо узкой тропки витой,
Где джейран с опаской ступал,
Мы дорогой мчимся прямой
Через сдавшийся перевал.

А трава желтеет чуть-чуть,
Склоны в мареве золотом.
Будто здесь проложенный путь
Мы согрели нашим теплом.
Скалы, лысые от ветров,
С вековым прощаются сном.
Сотни раз я снова бы мог
Подниматься этим путем.
Путь — борьбы и славы итог,
Торжество народной мечты.
Я воспел героев дорог,
Покорителей высоты.

люди в белых халатах

Как тяжело лежать в полутемной больничной
палате,
Где горькие мысли терзают и жгут, как беда...

Но вот он войдет, человек в белоснежном
халате, —

И горечь моя уплывет, улетит без следа.

Он чуть постоит, помолчав, у распахнутой двери,
Похожий на многих таких же, как он, докторов,
И вдруг улыбнется. . . И я уже искренне верю:
Он сделает все, чтобы был я, как прежде, здоров.

Я верю в него и ничуть не боюсь ошибиться,
Как будто могущество вижу его наяву,
И силою воли себя заставляю крепиться,
Хоть знаю: наука — отнюдь не сродни волшебству.

А я ведь встречался на улицах с ним и в аллеях,
И он не однажды приветствовать был меня рад.
Но только теперь он увиделся мне чародеем,
Волшебником добрым, запахнутым в белый халат.

На щедрость людскую земля наших предков
богата.

Так пусть же никто сгоряча не воспримет в укор,
Что чутких людей в белоснежных врачебных
халатах

Особым почтеньем привык я дарить с давних пор.

Как опытный пекарь из теста рукою умелой
Сумеет легко волосинку любую извлечь,
Так опытный врач изгоняет хворобу из тела,
Чтоб жизнь человечью огнем не смогла она сжечь.

И если я слышу, как кто-то врача оскорбляет,
В невежестве смрадном кощунствуя подло и зло,
От гнева и ярости кровь в моих жилах вскипает,
Боль старых недугов терзает меня тяжело.

Невежество требует горькой, мучительной
платы. . .

Ушли наши предки, свое не сумевши дожить,
Не зная, не слыша о людях в стерильных халатах,
В чьих силах от хвори любого из нас исцелить.

И не потому ли был мал мой народ, что веками
Судьба кочевая киргиза болезнями жгла,
Что долгие годы проклятьем витала над нами
В горах наших древних невежества душная мгла.

Иду по земле я с огромной душевной любовью,
Гляжу на людей, чьи халаты горят белизной.

И кажется мне, это шествует наше здоровье,
С предательской хворью вступившее в яростный
бой.

И с трепетом я обращаюсь к возвышенной музе,
Моля у нее вдохновенья и творческих сил.
А если б умел я играть на певучем комузе,
То лучшую песню свою я б врачам посвятил.

ЮНОША, ЛЕЖАЩИЙ НА ТРАВЕ

По солнечным пригоркам и полянам,
По травам,
Что вставали нам по грудь,
Мы шли вдоль речки,
Вьющейся арканом,
И в душный полдень сели отдохнуть.

Вблизи от нас,
На затененном склоне,
Там, где не жег лицо палящий жар,
Бродили нестреноженные кони,
А чуть повыше — несколько отар.

А наверху,
На самом солнцепеке,
Под щеку толстый посох подложив,
Укрывшись небом, знойным и высоким,
Лежал недвижно на траве джигит.

Вздымались к небу снежных скал
 громады
Хребты сливались в дымный полукруг.
Казалось, парень спал,
Но зорким взглядом
Он словно беркут видел все вокруг.

И вот он встал
И зашагал упруго
По склону вниз извилистой тропой.
И овцы, напирая друг на друга,
За ним тотчас же двинулись гурьбой.

Он, видно, знал закон науки старой:
Отыщешь место,
Где трава сочна, —
И в тот же миг потянется отара
Без окрика по следу чабана.

Без суеты,
Привычно и спокойно
Нелегкий труд вершил незримо он,
Ведь ветер гор,
То ласковый, то знойный,
В крови его струился испокон.

И думалось:
Вот так от века к веку —
И в этой жизни суть и естество —
Передается мудрость человеку,
Накопленная предками его.

ТАИНА ИМЕНИ

В доме, где мы вечер коротаем,
Где заночевать нам предстоит,
Нас хозяйка пловом угощает
И кок-чаем крепким нас поит.

Платье в синей россыпи горошин
Плотно облегло упругий стан...
До того я ею заморожен,
Что в глазах стоит сплошной туман.

— Как зовут вас, милая, ответьте? —

Но она смеется мне в ответ:

— У меня, хоть верьте, хоть не верьте,
Имени покуда еще нет! . .

Как же называть ее мне все же?

Может, тайна имени ее

В той печали тихой, что тревожит

Сердце беспокойное мое?

Может, в песнях тех, что распевает

Соловьиным голосом она?

Может, в тех цветах, что полыхают

На лугах, когда грядет весна?

Иль в улыбке озорной, не робкой,

Иль в руках, что тянутся к труду,

Или в нежном, шелковистом хлопке,

Собранном в горячую страду?

Или в терпком виноградном соке,

Схожим с крепким солнечным вином?

Или в уважении глубоком

К гостю, что в ее приходит дом?

Как же называть ее мне все же?
Может, тайну имени хранит
Тот джигит, веселый и пригожий,
Что ночей из-за нее не спит?

Сколько он имен придумал разных
Для нее — единственной своей!
Сколько слов душевных и прекрасных
Приготовил он в подарок ей!

И хотел бы стать я тем джигитом,
Чтоб опять огонь горел в крови,
Чтобы вдруг, как в юности забытой,
Снова захлебнуться от любви!

НЕ СКАЖУ...

Не о себе скажу,
А о тебе —
Когда встревожен я,
Как в бурю сад,
Иду слепой, по роковой тропе,
И гулко оземь яблоки стучат.

Не о весне скажу,
Не о луне.

Мои страдания — корни тех деревьев,
Что шепчутся беспечно в вышине,
Когда я в тьму вгрызаюсь, озверев.

Страдаю я
И, веруя, люблю.
Стенаю я.
Губ лепестки ловлю.
Нет,
Чем глубинней я врастаю в твердь,
Тем я сильнее!
Люби меня,
Иль — смерть.

Ты завязала завязь —
Узелок,
Мы вместе — сад,
А ветер — он стрелок.
И яблоко, задетое им вдруг,
Летит в траву.
Мне страшен этот стук.

Доверься мне,
Любовь,
Моя листва.
Ведь без корней
Ты б не была жива.
Доверься мне,
И ветер — жалкий мот.
Ни яблочка на землю не падет!

ЖИТЬ!

Сколько жить нам — три года?
А возможно, сто лет!
У какого прикола
Я скажу жизни — нет?

Я скажу жизни:
Слушай,
Слушай, сердце — стучит.
Ждет нас звездная служба,
Ей не нужен лимит.
И на вечность не надо
Никаких пропусков,

Наша молодость рада
Слушать голос ветров!

Ты живи,
Твоя сила —
Это яростный бег.
Расстелила Россия
Синь-дорогу в тот век,
Где работа до пота,
Где любовь — к солнцу бровь.
Я скажу жизни просто:
Береги мою кровь!

У какого прикола
Я скажу жизни — да!
Я к работе прикован
Прометеем Труда.

ОТЧИЗНА-ТЫ СКАЗКА МОЯ!

ОЗЕРО СОН-КУЛЬ

Сияет озеро, а степь лежит цветным платком.
Простор, и синий плеск волны,
и шелест трав кругом.

А я, оглядывая ширь,
стою на островке, —
Он будто малый шаткий плот
куда-то вдаль влеком.

Клочок земли, сдается мне, качается чуть-чуть,
Но замечаю только я, что мы пустились в путь.
Спокойны очертанья скал в воде не потому ль,
Что их в озерный круг вобрал
и отразил Сон-Куль?

Овец недвижные стада на склонах гор видны,
Как камни, серые они,
круглей, чем валуны.

Благословенные стада пасутся без помех,
Долина, как ни велика, вместить не может всех.

Прислала свежий ветерок алайская гряда,
Он помогает в трудный зной оберегать стада.

Гляди-ка, пес сторожевой, чабанский верный пес!
Как шустро гонит он на луг стада овец и коз.

Дымок над юртой завился —
любезный сердцу знак, —
Молодки топят в котелке желтеющий каймак.

Готов вечерний дастархан,
и жены возле юрт
На поздний ужин чабанов приветливо зовут.
Над всей озерною водой струится аромат,
Пропах румяным каймаком божественный закат.

«Сон-Куль взирает на тебя,
и ты им восхищен.
«Слетает птица на плечо к тебе,
как легкий сон.

Людей нисколько не боясь —
в них столько доброты! —
С природой слившись,
станешь здесь:
мудрей и лучше ты.
Плывет спокойно дикий гусь,
он оседлал волну,
То вверх качается,
то вниз, подобно скакуну,
Победоносно поглядел,
привольной жизни рад...

Да, Иссык-Кулю наш Сон-Куль
и вправду младший брат.
В подзвездной этой вышине,
как блюдо, он повис
И синим взором на хребты
взирает сверху вниз.

ДУША КИРГИЗА

Освежиться хотелось нам,
радость наша была легка,
Моясь, брызгались мы водой
у журчащего родника.

Незнакомый к нам подошел молодой джигит
невзначай.
И как давних друзей своих
пригласил нас в юрту на чай.
И не сразу поняли мы:
наш хозяин просто хитрит, —
Он барашка вздумал заклать,
как обычай здешний велит.
Но узнав, что нам недосуг,
что дорога зовет нас вдаль,
Он вздохнул, как истинный друг:
«Что поделаешь, очень жаль!»
Все ж в мгновение ока был
на кошке накрыт дастархан:
Масло, сливки, джурат¹, кумыс...
Чем не потчевал только он!
А лепешка, — с ума сойдешь, — так пухла она и
свежа.
Разбежались наши глаза —
до чего же еда хороша!
Трудно мне слова подыскать,
чтобы горный той² описать!

¹ Джурат — цельное кислое молоко.

² Той — пиршество, праздник.

С наслажденьем умяли мы это все,
по правде сказать
Но когда мы встали, простясь,
чтобы ехать куда нас ждут,
То хозяин спросил у нас:
«Кто мы будем, как нас зовут?»
— Вот те на! — удивились мы. —
Значит, нас не зная совсем,
Щедро,
словно братьев родных,
угощал нас хозяин всем.
Нас увидел он в первый раз,
но, смущаясь от похвалы,
Подносил нам пенный кумыс,
чай душистый лил в пиалы,
Стану жертвой за свой народ, —
он душой широкой красив.
Привечает путника он,
званья, имени не спросив.
Будет ласково встречен тот,
кто в аил к нему завернет.
Здесь и встретят, и угостят,
и душою гость отдохнет.

МОЕ БОГАТСТВО

На севере — долина золотая,
На юге — камни древнего Алая,
Необозримо тянется Тянь-Шань,
Не сосчитать богатств родного края.

Мои леса растут на склонах горных,
Металлы дремлют в недрах, мне
покорных, —
Я вправе называться богачом:
Мое добро — венец трудов упорных.

Мой хлопок урожайностью гордится,
Как золото полей — моя пшеница.
Богатство у меня равно горам,
С моим богатством сказка не сравнится.

Смотри, читатель, на мои стада.
Не подсчитать ли нам мои стада?
Они предстанут цифрой семизначной,
Так замечательны мои стада.

Нарын мой воды катит в Сырдарью,
В долины Чу стремится свою струю;
За воды брат-узбек и брат-казах
Благодарят меня в своем краю.

Дым тянется от фабрик в небе синем,
И силы придает моим он силам;
Крупницы спящего в земле металла
Я самолетом сделаю красивым.

Нужды не будет ни в каких товарах,
Узнает каждый о моих отарах,
И всколосится на полях пшеница, —
Не хватит места ей в моих амбарах.

Своей трудолюбивою рукой
Я озеро создам Орто-Токой.
Вода есть кровь земли, и Чу мою
Я полноводной сделаю рекой.

Еще в года войны тротилом я
Взорвал Боом¹, дорогу проторя,

¹ Боом — скалистое ущелье в Киргизии.

Возликовал красавец Иссык-Куль —
К нему дорога пролегла моя.

Пройдут через ущелья провода,
И будет свет, какого никогда
Не видели ущелья Ала-Тоо, —
Электросвет нам нужен, как вода.

Мы любим мир, мы преданы стране,
Народ-джигит отважен на коне.
Раз я поэт — дало язык мне время,
Кому же петь про это, как не мне?

ВЕСНА ТЯНЬ-ШАНЯ

Гора с горой — сестра с сестрой —
Аламышык и Джамбулак;
Нависли скалы Кажырты,
Грозит обвалом Куланак.
Стройней красавиц молодых,
Вечнозеленые в горах,
Здесь ели, у тропы толпясь,
Как бы замедлили свой шаг...

Над снежною вершиной гор
Сияет солнечный восток.
Приветствуя рожденья трав,
Поет ликующий поток.
Стремится жаворонок ввысь,
И, крылья распластав, цветок
Как будто хочет он прикрыть,
Чтоб не затронул холодок.

Но в поле зноен вешний день
Над трактористкой молодой.
Кто в ней признал бы Кенжеке?
В мазуте руки, и седой
От пыли стала голова,
И скрыт румянец пылью злой.
Пыль поднимая пеленой,
Проходит трактор целиной.

Гремит без умолку мотор,
Мотору вторит эхо гор,
И песня Кенжеке звучит,
Взлетая в голубой простор:

«Коня стального я веду,
Прокладывая борозду.
Скажи, скажи мне, — сколько лет
С тобой, любимый, встречи жду?»

Считаю в небе голубей,
Дурных не слушаю вестей.
Я на дорогу выхожу, —
Вернется тот, кто всех милей.

Крылами бы владела я,
К тебе бы полетела я.
Летит голубка к голубку,
Покинув горные края.

Я видела тебя во сне:
Вдали, на Западе, в огне,
Врага затаптывая в прах,
Промчался ты на скакуне...

Льнет к солнышку цветок весной,
Стремится сердце за тобой.
Ты поскорей вернись ко мне
С победою, ровесник мой...»

Так пела Кенжеке. Пред ней
Склонялся выжженный ковыль.
И вот, закончив борозду,
Когда рассеялась пыль,
Она увидела: спешил
К ней башкарма, старик Абыль;
С ним рядом фронтовик-джигит
Шел, опираясь на костыль.

Опережая башкарму,
Шел пахотою напрямик.
Шинель солдата — на плечах,
И свет — в глазах, таких родных.
Так он знаком ей. Кто он? Кто?
Как будто перед ней двойник...
Того, кто был ей дорог, люб,
Она припомнила в тот миг.

Она припомнила в тот миг
Все горе, что пережила,
Как навалилася беда:
И ночь — без сна и в полдень — мгла:
Как плакала она тайком,
Как издалека весть пришла:

«Пал смертью храбрых...» — но она
Не верила... ждала... ждала...

И вот подходит к ней джигит.
Не сердце ль — птица знак дает?
Так сердце дрогнуло ее,
В лицо весенний ветер бьет...
Раскинув руки и крича,
Метнулась Кенжеке вперед

И с плачем обняла того,
Кого ждала за годом год.

Готовил слово башкарма,
Дорогой повторив не раз, —
Что горя нет для Кенжеке,
Что сердце у нее — алмаз,
Что радуется весь аил.
Что предок воина — Манас, —
Но не сказал ни слова он,
Смахнув слезу скупую с глаз.

Склонялось солнце за горой,
Когда они вошли в киштак.
Бежали дети впереди,

Весть сообщая впопыхах.
Как жениха с невестой, их
Встречали женщины в дверях:
Вернулся тот, кто был любим
И чей оплакивали прах.
Но Кенжеке весенний день
Казался сном, чудесным сном.
И слезы на ее лице
Сверкали жемчугом...
— О чем,

О чем ты плачешь, Кенжеке?
С победой я вернулся в дом.
О чем грустишь ты? Ранен я?
Хожу, калека, с костылем?..
Нет, не походкой, не лицом, —
Красив душою человек...
О красоте иной не плачь,
Пусть вновь звенит задорный смех!
В ответ сказала Кенжеке:
— То слезы счастья, Арстанбек!
Одну я слышала печаль
Все эти годы ото всех.

Мне говорили, что иссох
Мой радостный, живой родник;
Мне говорили, что врагом
Смят и затоптан мой цветник;
Что ветер дикий загасил
Светильник дней — ночей моих.
Но я не слушала молвы
Досужей у дверей моих.

Я вижу: вновь расцвел цветник,
Поет по-вешнему ручей,
Огонь под ветром не угас,
Почетен труд мой среди полей:
В мазуте руки у меня, —
На тракторе я с первых дней...
Но ты покинешь Кенжеке, —
С красавицей сравняться ль ей?..

Тут улыбнулся Арстанбек:
— Ты хочешь испытать меня?..
Я видел, — как джигит, в полях
Стального ты вела коня,
Но, как дитя, теперь твердишь:
«Не вздумай покидать меня!»

Красив душою человек,
Любовь и преданность храня...

Послушай: кто народ родной
Забудет, грош тому цена...
Меня с тобою разлучив,
В горнило кинула война...
Мы бились яростно с врагом,
И сотня нас, окружена,
Прорвалась. Для тебя с тех пор
Была судьба моя темна.

Мы по тылам врага пошли
С отрядом славных партизан.
И день и ночь — из боя в бой
В зной, и в ненастье, и в буран.
Смотри на грудь мою, — на ней
Рубцы и шрамы тяжких ран.
Там, в Белоруссии, в лесах
Я защищал наш Киргизстан...

Не на ветер мои слова:
Повсюду ты была со мной, —
Где б ни был я, — мне голос твой

Звучал порой в тиши лесной;
Тебя, подобную цветку,
Я видел над струей речной;
И гладил прядь твоих волос,
Я шел с тобой из боя в бой. . .

Ты мне теперь еще родней:
Друг друга познает в беде.
Есть пламя доблести твоей
И в золотой моей звезде. . .
Видал на пахоте тебя, —
Слывешь батыром ты в труде. . .
Но хромоногий Арстанбек
Здесь свой не опозорит век!

И рассмеялись они,
И гордость в их была глазах. . .
Гостей торопит башкарма, —
На пир собрался весь киштак.
Настроил свой комуз акын,
Кипит баранина в котлах,
И с аксакалом во главе
Расселись гости на коврах.

С плеч сбросил Арстанбек шинель,
И засияли ордена,
Грудь прикрывая, где следы
Свои оставила война.
Народ, пируя, говорил:
— Твой муж батыр, — гордись,
жена!

И славу ветер разносил,
Цвела тянь-шаньская весна.

юг

Пышным облаком в поле хлопок —
Белоснежный шелковый пух:
И во сне такое не снилось —
Наливные плоды вокруг.
Вдалеке — ледники Тянь-Шаня,
У подножья — цветущий луг.
Раз посмотришь — век не забудешь
Киргизстана сказочный юг!

На равнинах его безбрежных
Щедрым колосом зреет всход:

На байге бегунцы — тулпары
Обгоняют вихря полет.
Черным золотом полны горы,
И шахтер над кайлом поет:
«Ты — земля молодых, могучих,
Ты — земля идущих вперед. . .»

Здесь веками была пустыня —
Неоглядный дикий простор.
Как мираж в дымящемся зное —
Возникали вершины гор.
Человек забывал, блуждая,
Воду горных рек и озер.
Но прошел народ-победитель,
Над пустыней руку простер.

Он глухие пески пустыни
Превратил в плодоносный сад.
Где шуршал лишь репей колючий,
Там ручьи и рощи шумят,
Где чернел безжизненный камень,
Нынче там города стоят.
Обнажая земные недра,
Здесь киргизы добыли клад.

Выходили на труд дехкане,
Вскинув на плечи кетмени.
В порошок раздробляли скалы,
Если были помехой они.
Презирая и сон и отдых,
Так трудились ночи и дни,
Эту землю преобразая,
Исполинам были сродни.

Покоряясь упорным, горы
Извергали руду горнякам.
Черной кровью струясь, утроба
Разверзалась нефтяникам.
Раскрывал коробочки хлопок,
И по всем колхозным полям
Хлопок осенью был подобен
Отдыхающим облакам.

И вдали, покрытая льдами,
За горою стоит гора.
Словно яростный конь, стремится
По ущелью Ак-Буура.
Обгоняя, по скалам скачет
Кара-суу-река — сестра.

И бурлит Нарын по долине,
И не счесть на земле добра.

Зелены джайлоо на юге,
И несметны стада в горах.
Камень тронь, а под камнем залежь —
Золотая руда в горах.
Белым золотом в поле хлопок,
Золотые плоды в садах.
Все богатство отчизны ныне,
Все, народ мой, в твоих руках!

Ты, как мать, над землей склонялся
И лелеял посева сон.
Ты водой напоил пустыню, —
Край киргизский преображен.
Как на битву, на труд выходишь,
Подымая огни знамен.

Славен мой народ — победитель,
И ценнее золота он! ..

ЗОЛОТАЯ ГОРА

Горы Золотой вековые ущелья
Дышали туманом и ночью, и днем.
Гора Золотая не знала веселья.
Лишь в недрах ее, как во мгле
подземелья,
Мерцало сокровище тусклым огнем,
И люди не ведали даже о нем.

Собратьев своих превзошли по бездушью
Владевшие этой горой богачи.
Рабы, изнуренные мертвенной сушью,
Влачили тяжелую лямку пастушью,
Над их головою свистели бичи.

Бесстыдством прославились на Арасане
В те годы святые муллы и ходжи.
Других обвиняли в распутстве, в обмане,
А сами погрязли в разврате и лжи.
Настойчиво требуя денежной дани,
Все время народ обирали ханы.

Теперь овладели мы кладом старинным,
Дремучие недра открыла гора.
Советский батыр-инженер по вершинам
Проходит. Машины грохочут с утра.
Наш век не измеришь старинным
аршином.

Настала труда золотая пора.

От яростных взрывов гора загудела,
И людям земное открылось нутро.
Мы в горные недра врываемся смело.
Тому, кто умело берется за дело,
Земля отдает вековое добро:
Железо, и золото, и серебро.

Трудом покоряя подземное царство,
Геологи, в единоборстве с горой,
Открыли источник, таящий лекарство.
Пускай проявляет природа порой
Большое упорство и даже коварство,
А все же ее побеждает герой.

Избавив страну от бывшего обмана,
Со счастья и воли мы сняли запрет.

Больных исцеляет вода Арасана.
В ущелье горит электрический свет.
Весеннее солнце встает из тумана.
За песнями песни торопятся вслед.

Батыры колхозные трудятся рьяно.
Родимого края прекраснее нет.
Величье в делах воплощенного плана —
Одна из его драгоценных примет.

И вот наблюдает гора Золотая
За тем, как цветет обновленный аил,
Звучит соловьиная песня простая,
Сады и поля набираются сил,
И облачко мчится, от радости тая,
Из камня струя вылетает крутая,
Садовник цветы и деревья взрастил.
Вокруг Арасана высокие зданья.
Их окна,

как звезды,

сияют в ночи.

Напишут поэмы и сложат сказанья
О тех, кто без усталости клал кирпичи,

Кто отдал всю силу старанья
и знанья

На то, чтоб из камня забили ключи,
Чтоб на Арасане

тебя от страданья,
От злого недуга лечили врачи.

Сбываются наши мечты и желанья.

Исчезли навек палачи-богачи.

Герои заводов,

и шахт,

и колхозов

Из дальних краев, где снега глубоки,

Водители тракторов и паровозов

Стремятся от яростных бурь и морозов

Сюда,

где задорно поют кияки,

Где ранний рассвет удивительно розов

И гребни сверкающих гор высоки.

Так пой веселее, гора Золотая!

Ты рада

осмысленной жизни земной.

Тебя болтовня не смущает «святая».

С небесной ты знаешься голубизной.
И ясно тебе,
 что, жирком обрастая,
Муллы пробавляются ложью сплошной.

Пусть песни проносятся, в воздухе тая,
Пусть голос победы звучит над страной.
Врагов беспощадно с дороги сметая,
Мы счастья добились немалой ценой.
Кружит в небесах соколиная стая.
Вовек не сломить нашей воли стальной.
Пусть песня простая,
 над миром взлетая,
В сердца проникает и дышит весной.

Нет, мы не по тропкам пойдем
 проторенным, —
Блестящим асфальтом покроем пути.
Дороги широкие лягут по склонам.
Повсюду цветы мы заставим цвести,
И птицы засвищут по кронам зеленым, —
У нас вековые деревья в чести.
Вершину горы мы снабдим телефоном,
С вселенной будем беседу вести!

В долине таласа

Был кыштак у дороги
В Таласской долине...
Он запомнился мне
С давних пор — и поныне.

Смуглолицая девушка,
Алое платье...
— Вы откуда идете,
Хотел бы узнать я?

Голубая косынка
И книги под мышкой...
— Вы какие, скажите,
Читаете книжки?

Отвечает спокойно
И неторопливо:
— Я обратно домой
Возвращаюсь с полива.

Со словами ответа
Книги мне протянула:

— Это Пушкин. А это
Стихи Токтогула.

Воспевает акын
Моей родины славу;
На родном языке
Я читаю «Полтаву».

Были наши места
Токтогулу родными;
Наш богатый колхоз
Носит Пушкина имя...

Посмотрел я вокруг
На простор величавый,
Где пшеница шумит,
Как в полях под Полтавой.

И деревьев ряды,
Будто строк вереницы,
И широкие листья,
Как в книге страницы.

Здесь я сутки провел,
И порою ночью,

Словно мячиком, горы
Играли луною.

И стихи Токтогула
Запела по-русски
Синеглазая девушка
В беленькой блузке.

Отвечая той девушке
Голосом низким,
Парень пушкинский стих
Прочитал по-киргизски.

Был кыштак у дороги
В Таласской долине...
Он запомнился мне
С давних пор — и поныне.

Мне запомнилось место
Чудесное это,
Где сдружились два наших
Любимых поэта.

СИЛА ЛЮБВИ

Мы идем, дороги пробивая,
Всю природу наново крой,
От вершин Памира и Алая
До подземных недр Кызыл-Кия.

И на славный подвиг вновь и вновь
Нас ведет к своей земле любовь.

Сыновьями Родины любимой
Навсегда от сна пробуждены
Девяностослойные глубины,
Пики стратосферной вышины.

Так всеильно чувство, что ведет
От побед к победам весь народ.

Если славой жизнь твоя богата,
Если цель умеешь достигать —
Значит, любишь ты народ, как брата,
Значит, землю любишь ты, как мать.

Нет на свете ничего сильнее,
Чем любовь к родной стране своей.

ХРЕБЕТ ДОЛОНА

1

Зимней ночью в сумраке туманном
На горах не увидеть ни зги.
Трудно сладить с ветром окаянным,
Надоело слушать вой пурги.

Люди мерзнут, в шубы лица пряча,
Тяжело по снегу им идти.
Медленно ползут по снегу клячи.
Нет конца проклятому пути.

2

Мы с трудом преодолели много
Горных кряжей. С высоты отрога
Увидали мы хребет Долона,
Где кончалась конная дорога.

Ветер дул со скрежетом и стоном,
И взбираться было не легко нам
Зимним утром на хребет Долона
По крутым обледенелым склонам.

Склоны гор невероятно круты,
Завывал в ущельях ветер лютый,
А по склонам громоздились камни,
Издали похожие на юрты.

Так мы шли по ледникам и скалам,
Помогая лошадям усталым
Вверх тащить арбу, и опасались,
Что не овладеем перевалом.

Путь казался бесконечно длинным,
Арбакеш бил бедных кляч по спинам;
Так примерно по хребту Долона
Приходилось ехать и идти нам.

3

Тот же снег сверкает на вершинах,
Но теперь мы едем на машинах.
С песнями летим мы по ущельям,
Нет для нас высот недостижимых!

Кряжи гор поникли перед нами
Гордыми своими головами.

Несколько машин в ряд ехать могут
По дороге, что идет горами.

Мы теперь легко и без урона
Можем въехать на хребет Долона.
Сверху вниз посмотрим мы на скалы
Каменно-ледяного склона.

В наши дни большого новоселья
Как сдержать мне радость и веселье:
Покорились человеку скалы
Грозного Кочкорского ущелья!

Мы живем и действуем не плохо,
И дороги наши без подвоха,
И по ним торжественно, победно
Шествует великая эпоха!

Покоренье этих гор небесных,
Залеганье шахт в глубоких безднах,
Построенье новых гидростанций —
Как не отразить поэту в песнях?

Это мы — герои из былины,
Это мы — герои-исполины,
Мы желаем покорять природу,
И желанья наши исполнимы!

КОЗУ-БАГЛАН

Козу-Баглан!..
Ты — словно сказка,
Отцом поведанная мне...
Стою, ветрами гор обласкан,
С самим собой наедине.

Стою на солнечной вершине,
Что, как былинный великан,
Остановила бег пустыни
К твоей воде, Козу-Баглан.

Вдыхаю жадно чистый воздух,
Густой и вязкий, точно ртуть.
А надо мной в просторах звездных
Навис недвижно Млечный Путь.

А подо мной теснятся кручи,
Где у застывших облаков
Стекает зной на снег колючий
И тает в толщах ледников.

И мнится, чудится мне снова,
Что будто в давние века
Полоской неба голубого
Была ревушая река.

Она от неба отделилась
И, закипев крутой волной,
По склону снежному скатилась
Ущелью темному на дно.

2

Не сказкой — рукотворной былью
Разбужен сон угрюмых скал...
Несет пустыне изобилье
В горах проложенный канал.

И край забытый и суровый,
Живую кровь воды впитав,
Расцвел, как внешнее джайлоо
Искристой радугою трав.

Исчез, как призрак, день вчерашний,
Не отыскать его следы.

Куда ни глянь —
Повсюду пашни,
Покосы, нивы и сады.

Пусть рая нет — я это знаю,
А был бы рай — наверняка
Местечко выбрали б для рая
На этих дивных берегах.

Да, жаль, что я уже не молод,
Жаль, что уже не те года:
Я б навсегда оставил город
И перебрался бы сюда.

И хоть старик, а не ребенок,
Носился б я во весь опор,
Как несмышленный жеребенок,
По разогретым склонам гор.

И с глыбы прыгал бы на глыбу,
Как пятилетний мальчуган,
И погружался, будто рыба,
В твою волну, Козу-Баглан.

Козу-Баглан!..
Ты — словно сказка,
Отцом поведанная мне...
Стою, ветрами гор обласкан,
С самим собой наедине.

И не легенде древней внимля,
А нови, что пришла сюда,
Благословляю эту землю —
Творенье воли и труда!

Благословляю край цветущий,
Траву лугов,
Цветы полян!
Благословляю день грядущий,
Твой светлый день,
Козу-Баглан!

ГОРОД ФРУНЗЕ

Когда вернешься с дальнего пути,
В любви ему клянешься неустанно.

Мы связаны единою судьбой,
Мой милый край, любовь моя живая.
И соловьи, возвращенные тобой,
Звенят, любимый Фрунзе воспевая.

К родной столице тянутся хребты
Могучего Тянь-Шаня и Алая.
Ты дышишь ветром горной высоты.
Над кряжами встает заря, пылая.

Редает мгла, лишь загудят гудки,
За вольный труд беремся мы с рассвета.
Здесь ночи так прозрачны и легки,
Тут солнце греет и зимой, и летом.

Опережая версты и года,
Мы умножаем дедовскую славу.
Как яркая и светлая звезда,
В созвездье городов и ты — по праву.

Мне душу греет родины тепло.
Нельзя не петь, живя в краю свободы.
И песня льется плавно и светло,
Как вешние сверкающие воды.

Нет! Города прекрасней не найти!
Недаром Киргизстан тобой гордится.
О Фрунзе мой,

свети,

сияй,

цвети,

Душа моя,

мой друг,

моя столица!

ВЕСТИ ИЗ ОРТО-ТОКОЯ

1. Богатырь Аммоналы

(Рассказ старика)

— Посмотри на горы эти
Небывалой вышины,
Где белеют на рассвете
Овцы, словно валуны.

Стал седым я, старым стал я,
Умирать пришла пора;
А выходит, что не знал я
То, что знает детвора!

Горный кряж снесут здесь скоро—
Вот какие чудеса!
В изумлении на горы
Я смотрю во все глаза.

Задрожали перевалы, —
Были скалы —
 ни скалы!
Их швырнул куда попало
Богатырь Аммоналы.

Без оглядки волчьи стаи
Мчатся прочь, поджав хвосты,
Услыхав, как, громохая,
Грянул голос с высоты.

Тонконогие джейраны,
Словно ветер, взвились с круч,
Услыхавши утром рано
Грозный оклик среди туч.

У ручья кустарник гуще,
Как шайтаны, змеи злы, —

Но ударом их расплющил
Богатырь Аммоналы.

Силачи у нас бывали,
Не один джигит — герой,
Но таких мы не видали,
Чтобы в битву шли с горой.

Молодцов встречал не раз я,
Звали их Аммоналы,
Видел крепких, долговязых,
Тех, чьи руки тяжелы.

Но, валун поднять желая,
Самый сильный из парней
Гнулся, силы надрывая,
После кашлял много дней.

Рвет гранитную породу,
Притаясь внутри скалы,
Камни с юрту скотовода
Рушит вниз Аммоналы.

Если знаешь, то скажи ты,
Не слыхал ли ты порой,

Где такие есть джигиты,
Что сражаются с горой?

Кончив речь неторопливо,
Аксакал прищурил глаз,
Глядя ус, он горделиво
Оглядел с улыбкой нас.

А кругом гудели скалы...
Так узнали мы о том,
Что считают аксакалы
Аммоналы богатырем.

В вышине Орто-Токая,
Где справляли пир орлы,
Нету прежнего покоя —
Там гремит Аммоналы.

Здесь долина будет скоро...
И, окинув взглядом ширь,
Скажет правнук:

— Эти горы
Снес и вправду богатырь.

2. Там, где таился дракон

Вздывается солнце.

Как красная медь,
Вершина горы начинает гореть.
Безоблачно небо, долина ясна,
И Орто-Токой пробудился от сна.

Из белого камня представь себе дом,
А в доме том белом и грохот, и гром,
То мчится, сверкая, с горы водопад,
Так конь седогривый летит напролом.

Как будто из плена, так рвется вода!
Блестит на солнце живая слюда,
Мельчайшие брызги — как утренний дым,
И волнами хлещет туда и сюда.

Ущелье дрожит и гудит: «Гу-гу-гу»,
То скалы шатает вода на бегу.
Упрямые силы природа таит, —
Их много, нам их обуздать предстоит.

— Я слышал от дедов сказанье одно,
На месте канала когда-то давно, —

И спутник рукой показал нам на склон,—
Под этой скалою таился дракон.

О кладе волшебном шел слух шепотком,
Дракон стережет его ночью и днем.
В селенье доселе живет аксакал,
Которому дервиш поведал о том.

«Кто только посмеет коснуться скалы,
Навеки погибнет!» — шипели муллы.
Обрушатся горы, селеньям грозя,
Нам клад заколдованный трогать нельзя!

Но ночью и днем мы работали здесь,
Должно быть, дракон тот глубоко залез,
Хотя бы увидеть нам кончик хвоста,
Когда мы канал проводили для ГЭС!

Чьи рассказы это?

Кто выдумать мог.

Что с золотом здесь был запрятан мешок?
Кто грозно шипел там из мрака могил?
Уйдите отсюда, кто нам говорил?

То недруги наши, душа их темна,
Рассыпалась козней гнилая стена.
Но зорко глядеть еще надо вокруг
И помнить нам надо, кто враг и кто друг.

Мы горные люди, мы горы храним.
Мы шли по тропинкам сквозь облачный
дым.

Должны уничтожить безжалостно мы
Невежество, что затемняет умы.

У горной реки, что текла клокоча,
Мы силу набрали для ламп Ильича,
При свете том ярком нам стала видней
Бессмертная правда великих идей.

3. Байгазы, с которым мы встретились под землею

В горах пролегла эта узкая щель.
Мы входим в зияющий, темный туннель.
Тут ветер холодный подул нам в лицо,
И поняли мы, что достигнута цель.

Вперед в темноту устремили мы взгляд,
В еще непонятный, грохочущий ад.
Привыкли глаза, и увидели мы,
Как белой стеною летит водопад.

Река под землею текла грохоча,
Ворочая камни, утесы точа.
От свежести этой подземной реки
Дрожали мы оба, зубами стуча.

Откуда река под землею течет?
Кто знает название стремительных вод?
Неужто пред нами чудесная Чу,
Что воду живую в долину несет.

Увидел я шланг, извергающий гром,
Сверлящий гранит на пути буревом.
Невольно дрожит у джигита рука,
Когда он вгрызается в камень сверлом.

А вот и прославленный этот джигит
Немного поодаль на камне сидит.
Как мы не заметили сразу его!
На нас он с веселой усмешкой глядит.

Чтоб молодость скрыть, отпустил он
усы...

Лихой укротитель подземной грозы,
Как будто бы здесь под землею рожден,
Мы крикнули снизу: «Привет, Байгазы!»

Кто первый под землю спустился?
Кто смог

Себе подчинить этот горный поток,
Кто гору поднял и на спину взвалил?
Не знаю, но жаль мне, что им не помог.

Здесь был Байгазы не один,
говорят,
Отважных друзей с ним трудился отряд.
Огромною силой владеют они
И двигают гору, куда захотят.

Им здесь, под землей, не страшна темнота,
Как юрта родная, гора обжита,
Трудились недаром здесь тысячи рук, —
Открыла гора земляной туурдук¹.

¹ Туурдук — боковая кошма юрты.

И кажется нам, что простерся прямой
В грядущее путь через Орто-Токой.

ЗИМОЙ

Я приехал издалека,
Чтоб увидеть родимый край.
На вершинах гор облака,
Как наброшенный кементай¹.
Там сверкающий вечный лед,
Там нетающий снег по грудь.
Но люблю я воздух высот,
И не холодно мне ничуть.

Разыгравшийся, как на грех,
Ветер в небо швыряет снег.
Как мякина он вверх летит,
Всюду снежная кутерьма.
Буря в голых ветках свистит,
Нападет вот-вот на дома.

¹ К е м е н т а й — верхняя одежда из войлока.

С каждым шагом круче подъем,
Едем медленно,

холод лют, —

Здесь хозяйкой стала зима.
Цепенея под толстым льдом,
Еле-еле реки текут.

Только мне мороз нипочем, —
Мне и весело, и тепло,

Будто ярким, весенним днем
Я в горах срываю цветы.

Край киргизский, в сердце моем
Колыбель родимая ты!

Счастлив я, приехав домой,
И не холодно мне зимой.

* * *

Пусть мороз сегодня силен,
С юных лет я был закален.

Ветер утренний озорной
Поцелуем коснулся щек,
Он напомнил юности дни...

Вижу город Фрунзе родной,
А на улице мой сынок.

Ветру крикнул он:

— Догони! —

На коньках промчавшись стрелой.
Вот, спускаясь с высоких гор,
Мчится лыжник во весь опор.

Забавляется ребятня,
Санки вместе соединя.
Сели дружно:

— А ну, держись! —

И со смехом ринулись вниз.

Ранним утром моя жена
Отправляется на базар.
Там продукты купит она.
Лета знойного щедрый дар,
Помидоров, яблок пожар, —
До чего же вкусны они!
Приезжай отведать их, друг,
И на город Фрунзе взгляни,
Он создание наших рук.
Сад, возвращенный тобой самим,
Будет сердцу дорог вдвойне!
Лунной ночью, днем голубым

Я к своей привязан стране,
Слит дыханием с нею одним.

Начертил нам Ленин пути,
Указала Партия цель.
Дорогая земля, цветы,
Наша древняя колыбель.
В каждом сердце твой звездный свет.
Я теплом отчизны согрет,
Я люблю тебя, край родной!

...Я проделал далекий путь,
Ала-Тоо залит луной,
Скалы в вечный одеты лед,
Я вдыхаю воздух высот,
И не холодно мне ничуть.

ПОКУДА ТЫ ЕСТЬ, ИССЫК-КУЛЬ -Я БЕССМЕРТЕН

Я ПОЮ О ТЕБЕ, ИССЫК-КУЛЬ

Нет печали в тебе, весел шепот волны,
Горы, встав вокруг тебя, достигают луны.
Ты не плещешь волной, ты поешь,

Иссык-Куль,

На твоих берегах молодежь, Иссык-Куль, —
С нею ты заодно вторишь песне любой,
И кудрявые волны бегут вперебой.

Ты отечество наше, отчизна отцов,
Сколько ты вдохновило акынов-певцов.
Чтоб отчизны достойно прославить дела,
Надо книгу создать, чтобы с гору была,
Но пред мощью страны и народной душой
Книга будет казаться тебе небольшой.

Все богатство души в эти песни вложи.
Нет в тебе вдохновенья, тогда не пиши!

Иссык-Куль, передай нам волнение свое,
Всю свою глубину, озаренье свое.
Пусть без муторной праздности, без суеты
Будет счастье людское безбрежно, как ты.
И, как музыка волн в час взошедшей луны,
Будут дни наши светлым звучаньем полны.

ЛИРИКА

Не за бумагой и столом —
Я лириком в то время стал,
Когда взрывчаткой и кайлом
В горах дорогу пробивал.

Пусть о влюбленных день и ночь
Поэты-лирики поют,
А для меня в любом труде
Любовь и лирика живут.

Живи же, лирика моя,
Не угасай, не умирай
И вечным пламенем своим
Сердца и души согревай.

ВОПРЕКИ СТАРОСТИ

На лунную гору всхожу высоко,
В озерную воду ныряю легко
И соколом в небо взлетаю.
Две ярких звезды улыбаются мне:
Одна — в вышине,
А одна — в глубине,
Гляжу — и душой отдыхаю.

Мне снятся хорошие добрые сны,
И думы мечтой и надеждой полны,
И сердце тоской не томится.
И словно мальчишка, безоблачен я,
И брэнная спутница — старость моя
Не смеет ко мне подступиться.

Подобна шальной иссык-кульской
волне,
Бурлит неизбывная сила во мне.

И голос мой весел и звонок.
И снова я дерзок,
И снова горяч,
И полон задора,
Как мчащийся вскачь
По склону холма жеребенок.

Усталости нет
И уныния нет,
Как будто десяток иль более лет
С себя я негаданно сбросил.
И снова я жаждой работы объят,
А старость моя,
Запахнувшись в халат,
Хандру и тревогу уносит.

И скалы скорей расступиться спешат,
Чтоб старость моя не вернулась назад,
А сгинула где-то навечно,
Чтоб смыла луна мне морщины с лица,
Чтоб не было жизни и счастьем конца,
Чтоб молод я был бесконечно.

МУДРОСТЬ

Ночь. Озеро. Далекая луна.
Опять брожу по берегу без сна.
У ног моих волна чуть слышно плещет.
Душа моя спокойствия полна.

Благоухают нежные цветы.
В ночную даль плывут мои мечты.
Я осязаю каждой клеткой тела
Пленительную мудрость красоты.

Есть мудрость в этой дивной тишине,
В полночном небе,
В призрачной луне,
В земле,
В горах,
В мерцанье льдов вершинных,
В неторопливо плещущей волне.

Благословенна мудрость и ясна,
Как эта ночь,
Как эта тишина.
Насколько бы спокойней было в мире,
Когда бы миром правила она!

Не знали б люди горя и невзгод,
Не застилали б тучи небосвод,
Не высыхали бы от зноя реки,
Не сковывал бы землю гололед.

В ней, в мудрости, — величье вечных
гор

И тихая задумчивость озер,
Таинственность нетронутой природы —
Спокоен нрав ее, всевидящ взор.

Но если дым взметнется в облака
И кровь невинных обагрят снега,
Враз ненавистью мудрость обернется,
Народный гнев обрушит на врага.

ВСПОМИНАЮ СТАРЫХ ТОВАРИЩЕЙ

Озеро, лунным обласкано светом,
Дремлет в спокойной ночной тишине,
Строки ушедших из жизни поэтов
В дивном безмолвьи слышатся мне.

Мысли их, словно крылатые коня,
Устремлены далеко в облака,
В звездную высь,
Где у гор на ладонях
Белым огнем полыхают снега.

Нет этой ночи начала и края,
Все в ней, как в сладостном тихом
бреду...
Долгим путем дорогого Мукай¹
Утру навстречу неспешно иду.

Блики луны, будто искры лучисты,
Призрачен звездный негреющий свет.
Кончится ночь —
И, как в зеркале чистом,
В глади воды засверкает рассвет.

Спит Иссык-Куль,
В сонной неге томится,
Замер под сенью заоблачных гор.

¹ Мукай Элебаев (1905—1943) — автор романа «Долгий путь».

Но набегут облака —
И взъярится
Грозной волною безбрежный простор.

«Слушай, весь мир!»¹ —
Загремит он сурово.
И отзовутся, как эхо, в ответ
Степи и горы,
Леса и джайлоо —
Край, где родился и вырос поэт.

Но приутихнет над озером ветер —
И, безмятежности прежней полна,
Алою радугой
В солнечном свете
Ляжет на сизую рябь тишина.

И зазвучит соловьиная песня,
Звонко пронзая туманную мглу,
Словно бы в памяти сердца воскреснет
Сын Убуке — мой собрат Айткулу².

¹ Известное стихотворение Джусупа Турусбекова (1910—1944).

² Айткулу Убукеев (1905—1973) — известный киргизский поэт.

Буду я снова, как встарь, наслаждаться
Неповторимым его мастерством.

Буду я плакать
И буду смеяться
Вместе с героями книжек его.

Озеро, лунным обласкано светом,
Дремлет в спокойной ночной тишине.
Строки ушедших из жизни поэтов
В дивной тиши вспоминаются мне.

Мысли их, словно крылатые кони,
Устремлены далеко в облака,
В звездную высь,
Где у гор на ладонях
Белым огнем полыхают снега.

О ЛЮБВИ

Спустилась ночь незримо и безмолвно,
Мерцают звезды в темной вышине.
На низкий берег набегают волны
И о любви чуть слышно шепчут мне.

О той любви, великой и прекрасной,
Как жизнь,
Как свет безоблачного дня,
О той, что вместе с молодостью красной
Давным-давно покинула меня,

О той любви, что заплуталась где-то,
А где — о том не знает и сама...
Любовь, она сродни весне и лету,
Ей не по праву осень и зима.

Но я несколько с этим не согласен,
Держусь всецело истины иной:
И злую зиму тоже солнце красит,
И осень озаряется луной.

Любовь бывает звонкою и тихой,
Бывает — юной, зрелой и седой.
Порой она летит легко и лихо,
Порой течет медлительной рекой.

И, видно, так уж повелось от века,
А значит, так всегда тому и быть:
Покуда бьется сердце человека,
До той поры любовь в нем будет жить.

ПАРИЗАТ¹

Где найду я паризат?
Может, горный ветер, ты
И колеблешь паризат,
Хлопка белые цветы?

Или, смуглый виноград,
Ты скрываешь паризат?
Или девушки одной
Молодой манящий взгляд?

Или, может, паризат
Средь зеленых луговин,
Где всюду свистит весной
Соловей, ночной акын?

Не в горах ли паризат,
Там, где плещет родничок
И покрыли горный скат
Тмин, душица и чеснок?

¹ П а р и з а т — мифологическое существо, символ женской красоты.

Или, может, паризат
Там, где ветви кедр простер,
Иль скрывает паризат
Бирюза степных озер?

Иль девичий голос ты,
Что аил заворожил.
Иль ученый молодой
Паризат для нас открыл?

Все сердца к тебе спешат,
Ты дороже всех наград.
И у каждого своя
В этом мире паризат.

Обрести ее сумей,
Отыщи, как ценный клад.
Навсегда, до склона дней
Будь со мною, паризат!

ВДЫХАЯ АРОМАТ ЦВЕТОВ

Киргизстан прошел я насквозь.
Много видеть случилось мне.
Мне бывать не раз довелось

На джайлоо...

Там в вышине,
Аромат вдыхая цветов,
Мне казалось, что я средь звезд.
Воздух родины так здоров,
Что не молод я, а смогу
Спать под зимним небом в мороз,
Расстелив кошму на снегу.
Удивительный облик твой,
Киргизстан, мне дорог во всем:
Слышу голос вечно живой
В звоне речек, в шуме лесном.
В алых красках восхода ты,
В дружелюбие народа ты.
В дыме отчего очага
Ты мне, родина, дорога.
В песнях, радуясь и любя,
Верный сын твой славит тебя!

МОЕ МНЕНИЕ

Если она истерзала

сердце твое тоскою, —
Хватит тебе унижаться,
думать о ней забудь.

В широко распахнутом окне
Я увидел веточку урюка
В предрассветном,
розовом огне.
Лепестки в застенчивом цветенье,
Чуть дохнешь —
осыпятся цветы.

Соловей запел...
и на мгновение
Предо мной, как сон, возникла ты.
Я, тебя не видя, цепенею,
Ты со мною —
сердце вновь зажглось.

Для меня ты чище и милее
Всех, кого мне видеть довелось.
Не сожгла меня,
а окрылила.
Все пути с тобой
ведут вперед.

И любви живительная сила
В сердце нестареющем живет.

АРЧА

Если бросишь ветку в огонь,
То уж после ее не тронь,
Обожжет тебя сгоряча
Разгоревшаяся арча.

В зимний холод и летний зной
Одинаково зелена,
Пахнет елкою и сосной
И весенним ветром она.

Не гнетет ее и не гнет
Тяжесть снежного серебра,
Сколько лет на свете живет,
Про нее не скажешь: стара.

В землю корни ее ушли,
С ней сроднились там, в глубине.
О поэзия, дочь земли,
Ты такой же кажешься мне.

Даже в пору бед и невзгод,
Скорбно в наших песнях звуча,
Обновлялась ты каждый год,
Как зеленая та арча.

Свежих сил набиралась ты
И впитала солнца лучи.
Ты полна живой красоты,
Словно ветка горной арчи.

ДЖУЗУМДЖАН

Много песен я услышал здесь,
в Ак-Суйской стороне,
И запомнил я легенду,
что рассказывали мне.
Это старое сказанье
о долине Джузумджан,
Наши люди вспоминают
и поныне Джузумджан.
Джузумджан, так говорили, —
имя девушки одной,
Что затмила всех в аиле
несравненной красотой.
Посулив калым богатый,
старый бай заслал к ней сватов,
И отец, прельстясь калымом,
порешил устроить той.
Был у девушки любимый,
и она в слезах, в тоске

Из родительского дома

к горной бросилась реке.

Там они встречались прежде,

были счастливы вдвоем.

Но возлюбленный в отлучке,

как на грех, в краю чужом.

И красавица, не в силах совладеть с большой

бедой,

В речку броситься решила,

кончить с жизнью молодой.

И всплеснула вдруг руками,

словно белыми крылами.

Стала птицей белокрылой,

полетела над водой.

Обрела опять свободу,

снова стало ей легко;

К серым скалам полетела,

что от дома далеко.

И на землю уронила, как жемчужину, слезу,

И внезапно превратилась

в виноградную лозу.

На холмах, что были голы,

вырос дивный виноград.

Солнцем ягоды светились,
тихо радовали взгляд.
А похожий на ворону,
красноглазый, старый бай
Объезжал всегда стороной
благодатный этот край.
Но зато жених любимый
вспоминал ее с тоской...
Время раны залечило —
обзавелся он семьей,
И когда весною дочку родила ему жена,
Джузумджан ее называли.
Долго пусть живет она!
С той поры красавиц наших,
чей, как лозы, гибок стан,
Самых чистых, самых нежных
называют Джузумджан.
Виноградники покрыли все окрестные холмы,
И долину винограда Джузумджан называли мы.
Каждый раз, когда созреет виноград,
что долго ждан,
Грозди нам напоминают ту,
что звали Джузумджан.

ДЕВУШКА В ЛУННОМ СВЕТЕ

Вот-вот и займется
Над озером жаркий восход
И солнечный день
Заискрится веселым раздольем.
Смотрю на луну,
Что над темною гладью плывет,
И стройную девушку
Вижу в ее ореоле.

Легка, как косуля,
Взбегает проворно она
По каменным тропкам,
По лунным холмам и увалам,
Как будто далекая,
Полная таинств луна
Ей самой обычной
Спортивной площадкою стала.

То стелится лентой,
То выгнется тонкой дугой. —
И все в ней красиво,
И все в ней полно обаянья.

И стан ее гибкий,
Обтянутый блузкой тугой,
Рисуется в небе
Чарующим взор изваяньем.

Но нет, это только,
Наверное, кажется мне,
Как кажется правдой
Порой нам волшебная небыль,
Что вижу ее я,
Несущейся вдаль по луне,
Поскольку в ночи
Слились озеро, берег и небо.

И вдруг я отчетливо
Вспомнил, что видел на днях
И эту осанку,
И звонкую эту походку.
Я вспомнил,
Как к ней
Из села приезжала родня,
Как, глядя на девушку,
Радостно ойкала тетка.

«О, боже! Да разве
Себе я представить могла,
Что станет такою
Курносая наша чернушка!
И вправду, видать,
Ей учеба на пользу пошла:
Ишь как повзрослела!» —
С восторгом шептала старушка.

— А как ей к лицу
Этот в моду вошедший наряд:
Рубашка и брюки!
И вся она — словно бы птица!
А мы-то считали,
Что девушке нужно до пят
В тяжелые платья
И в длинные юбки рядиться.

Стоял я в раздумье —
И виделась птицей ночной
Мне девушка эта
С осанкою горной косули,
Летающая ввысь,
В небосвод,

Где, сливаясь с луной,
В ночи догорала
Туманная гладь Иссык-Куля.

я люблю

Что покорить меня могло?
В глазах любимых жар огня —
И мне становится тепло,
Едва ты взглянешь на меня.

Пусть мы с тобой разлучены
И я от дома вдалеке,
Но здесь, в долине Ферганы,
Твоя рука в моей руке.

Джаным! Так власть твоя сильна;
Я счастлив быть в твоём плену!
Такая в мире ты одна,
И я люблю тебя одну.

ОТКРОВЕНИЕ

Чтоб писать о луне, надо там побывать,
Над лунною далью хоть раз прошагать.
Чтоб о тополе петь, надо хоть на мгновенье
Соком жизни, питающим ствол его, стать.

Иссык-Куль, пусть я в Чуйской долине
рожден,
Но с рожденья в тебя я всем сердцем
влюблен,
И с рожденья душа к твоей сини тянулась,
И взлетала мечта в твой сквозной небосклон.

Это чудо, когда над спокойной водой
Льется лунный сверкающий свет молодой,
И мерцают загадочно яркие звезды,
И у берега тихо рокочет прибой.

Плещет нежная песня из глуби твоей,
Будто там, затаившись, поет соловей.
Как волнует меня, как чарует мне сердце
Эта песня любви и печали твоей!

Здесь песок красным жемчугом кажется мне,
Янтарем представляются камни на дне,
А красавицы юные ликом подобны
Полуночной хозяйке вселенной — луне.

Друг-джигит, если кровь в твоих жилах
бурлит,
Пусть с красавицей здешнею соединит
Жизнь тебя. И любовь ее даст тебе крылья
И огнем негасимым твой путь озарит.

Иссык-Куль, Иссык-Куль! Пусть я родом не
твой,
Погружен я душой в твой простор голубой,
Как вот эта сюда прилетевшая утка,
Что нашла здесь уют и желанный покой.

ПОДСНЕЖНИКИ

Озеро манит теплом и негой,
Ласков голубой его покой.
А в горах,
У самой кромки снега,
Разбрелись подснежники гурьбой,

Разбежались весело по склонам,
Первыми услышав зов весны,
И стоят на кручах прокаленных,
Синевой небес озарены.

А нагрянет лето в Ала-Тоо,
Солнечным теплом наполнив дни, —
И с вершин на тучные джайлоо
Стайкой озорной сбегут они.

Им и осень тоже не помеха,
Хоть она здесь на семи ветрах.
Люди откочуют с первым снегом,
А они останутся в горах.

Не с того ль,
Что броской и крикливой
В них вовек не сыщешь красоты,
Так живучи,
Так неприхотливы
Эти неприметные цветы.

С вечным льдом живя в соседстве
близком,

Не боясь ни вьюг и ни невзгод,
Как они похожи на киргизский,
На любимый мной родной народ!

Мы ведь тоже,
Гор орлиных дети,
Не страшимся снежной высоты,
И в невзгодах стойки мы,
Как эти
Первые весенние цветы.

Как они, тщеславию не внемля,
В щедрый мир всем сердцем влюблены,
Мы живем и украшаем землю,
На которой были рождены.

ЛУННАЯ НОЧЬ

Лунный свет расплескался вокруг,
В небе звездная россыпь мерцает.
И какой-то неведомый звук
Иссык-кульская ночь исторгает.

Так она, эта ночь, хороша,
Так наполнена звуком и светом,
Что блаженствует в дреме душа,
Тихой думой о счастье согрета.

В звездной выси витают мечты,
В сердце лед звездным светом расколот.
И не хочется думать, что ты,
К сожаленью, давно уж не молод.

Молодые, и те в эту ночь,
О минувшем еще не тревожась,
Тоже, видимо, были б не прочь
Стать хотя бы немного моложе.

Что ж, мечта нам недаром дана...
Пусть, с годами летящими споря,
Юным светом искрится луна,
Молодеют и звезды, и море.

И прибрежные камни, что спят,
Опущенные мхами седыми,
Пусть себя хоть на миг ощутят
В эту лунную ночь молодыми.

О, красавицы, те, с кем не раз
Я бродил здесь, любовью объятый,
Так ли молоды вы и сейчас,
Так прекрасны ль,
Как были когда-то?

Не обижусь на вас,
Коль в ответ
Не услышу желанного слова.
Лишь бы знать,
Что спустя столько лет
Вы по-прежнему живы-здоровы,

Лишь бы щедрая память и впредь
Волновала, покоя не зная.
Видно, можно душой молодеть,
О минувшем вот так вспоминая.

Дремлет озеро в неге ночной,
Распластавшись под небом безмолвным.
И беседуют тихо со мной
Неторопкие, теплые волны.

Завороженный счастьем сполна,
Я иду, не томимый бедою.
И плывет над водою луна
Так, как будто плывет под водою.

И опять не дано мне узнать,
Кто, ученым догматикам вторя,
С легким сердцем решился назвать
Словом «озеро» горное море?

Есть у каждого место, где он
Исцеляет и душу, и тело,
Где, как птица, в полет окрылен
Он мечтою завидной и смелой,

Где источник его чистоты
И опора — в земной круговерти.
Для меня, Иссык-Куль, — это ты,
И покуда ты есть, я бессмертен.

В АК-СУЙСКОЙ СТОРОНЕ

1. Ночной волк

Ночь. Облака. Свинцовый перевал
Отряд наш ночью преодолевал.
Вдруг впереди буксующей машины
Матерый волк рысцою пробежал.

Горящие глаза глядят в упор —
Не из трусливых этот серый вор.
«Сейчас мы рассчитаемся с тобою!» —
В миг из кабины выпрыгнул шофер.

По злым огням — грохочущий удар...
Волк грузно рухнул, и при свете фар
Мы серого убийцу разглядели:
Он был клыкаст, до сухости поджар.
Ягнят учуял он за родником.
Здесь он на брюхе подползал тайком —
Спокойна будь, колхозная отара,
Мы хищника казнили! Поделом!

Погиб он от карающей руки,
Не лязгнут больше острые клыки.

Зверь обезврежен... Поглядев на волка,
Я вспомнил дни, что страшно далеки...

В ущелье этом, хоронясь в глуши,
Хозяйничал свирепый курбаши.
Аман-Палван — так басмача прозвали,
Он не имел ни сердца, ни души.

С повадкою кабаньей человек,
Недвижный взгляд из-под тяжелых век,
По-волчьи нападать любил он ночью,
Считал убийство лучшей из утех.

Замучил нас поборами тиран.
Решили люди ехать в Наманган,
Где в белой юрте, сыто развалившись,
Поглаживал живот Аман-Палван.

Немногочислен смельчаков отряд.
Джигитов встретил пуль свинцовый
град.
Но захватить бандита — дело чести!
Никто не струсил, не свернул назад.

Зверь иступленно рвался до конца.
Схватили, одолели подлеца!
За кровь и слезы, за людей погибших
Он получил прямой заряд свинца.

И я подумал: этот волк ночной
С бандитом курбаши был схож судьбой.
Так было и так будет впредь со всеми,
Кто посягнет на мирный наш покой.

2. Бег чубарого коня

Быстро мчимся на машине
Средь цветущих, горных трав.
Луг зеленый, красный, синий,
Как овечья шерсть кудряв.

Пропасть. Едем осторожно,
Положась на тормоза.
Тут попутчик наш дорожный
Нам легенду рассказал:

«Как велит обычай старый,
Здесь устроили байгу.

Средь коней был конь чубарый,
Самый резвый на бегу!

Столько было в нем отваги,
Так стремился он вперед,
Что и реки, и овраги
Перемахивал вразлет!

Словно вихрь несясь со скло,
Схожий с бурей и орлом,
Этот конь провал бездонный
Взял неслыханным прыжком.

Возле пропасти оставя
Перепуганных коней,
Он вперед промчался к славе,
Что дошла до наших дней.

Эти скалы, что в тумане
Серебрятся, как броня,
Носят с давних лет название:
«Бег чубарого коня»

...Весь во власти древней были,
Я на горы бросил взгляд.

«Верный конь — джигита крылья!» —
Так в народе говорят.

3. Джолбарсту

На берег я вышел зеленый, речной,
Орешник колеблет шатер вырезной,
Старик карагач наклонился к реке,
Ее от жары заслоняя собой.
А там, наверху, все поля и поля,
Там ветер кочует, хлеба шевеля.

Долина, где праздник справляет весна,
«Долиною тигров» была названа.
Опасность таила в себе Джолбарсту,
Ее обходили кругом за версту.
Тигриные тропы скрывал здесь тростник,
Заслыша звериный, неистовый рык,
Чабан угонял поскорее стада,
И люди, бледнея, шептали: «Беда!» —
И в сторону эту боялись смотреть:
Здесь всюду ждала полосатая смерть.
Мгновенный прыжок, оглушительный
рев...

¹ Джолбарсту — долина тигров.

Не стало в селенье коней и коров.
На что кабаны и смелы, и сильны,
И то из Ак-Суйской ушли стороны.

Так было, но тигры исчезли давно,
Прогнали их люди с оружием в руках,
И только название долины одно
Напомнит о том, что здесь царствовал
страх.

4. Озеро Сары-Челек

Погляжу я по сторонам —
Не на небо ли я попал?
Здесь просторно стало стихам,
Здесь и сам я моложе стал.

Если вверх я вдруг посмотрю,
Вижу вздыбленных скал гранит,
А когда я вниз посмотрю —
Золотясь, долина лежит.

Будто вся она расцвела,
Яблонь розовы облака.

А местами белым-бела
От цветущего вишняка.

Цвет волны — густой изумруд...
Сколько, знали б вы, рыбы тут!
Подпевая в такт волнам,
Что от берега вдаль бегут.
Это озеро — в вышине,
Рядом с солнцем, близко к луне.
По ущелью, где облака,
Вниз в долину мчится река.

Нет нигде красивей озер
И проворнее горных рек...
Это озеро с давних пор
Носит имя Сары-Челек.
Шелк твой синий, Сары-Челек,
В обрамленье гранитных скал,
На которых, как шапки, снег.
Словно стража, сосны вокруг
Обступили озерный луг;
Вдалеке аилы видны,
На траве зеленой, густой,
Бродят сытые табуны.

Целый день у озера будь —
Не насытишься красотой!
Здесь пускаются реки в путь...
Вот куницы след золотой,
Волки жмутся к серым холмам...

По тропинке спустились к нам
Козы: скучно им в вышине.
Родничков серебряный гам
Здесь напомнил молодость мне.
А лазоревые цветы
Шепчут ветру тихий привет.
Столько в озере красоты!
Не опишешь ее, поэт!
Как воспеть что видеть пришлось?
У подножья великих гор
Белоствольная тишь берез,
А в лощине ветви простер
Густолистый, мощный орех.
Не опишешь деревьев всех!
Дружелюбно рядом растут
Груши, ели, арча, урюк.
Не скупится природа тут —
Все, что хочешь, отыщешь, друг.

Здесь, где небо рядом с тобой,
Кто устал, тот отдых найдет,
Станет бодрым снова любой,
Удивительно отдохнет!
А когда померкнет закат
И затихнет птичья возня,
Песни девушек зазвучат,
Полны прелести и огня.
Подошедший к нам аксакал
С бородою седой, как дым,
Показался нам молодым:
Словно юноша, был он прям,
Взгляд его весельем сверкал.
Он принес отведать гостям
Хлеб, что только что испечен.
И каймак — джайлоо дары.
Был хозяином дастархан
На цветочный постлан ковер.
Мы увидели, как щедры
Обитатели снежных гор.
Наш простой киргизский народ
Жил трудом, работал века.
Нас огромная радость ждет,
Полноводная, как река!

Уважения и похвал
Эта жизнь достойна всегда!
Тем горжусь я, что счастлив стал
Человек большого труда!

Стережет колхоза добро
Нами встреченный аксакал,
С бороною, как серебро.
Я средь этих вздыбленных скал
Ключ поэзии отыскал,
Чувств и мыслей чистый исток,
Каждый горный алый цветок,
Каждый самый малый цветок,
Как ребенок, мне дорог стал!
Землю эту я целовал,
Словно шелк зеленый, трава!
Если б знать, что эти слова
Нужны людям земли моей.
Стал бы я счастливее всех,
Я б огромную радость знал!
По тропе средь мшистых камней
С гор, где вечный сверкает снег,
Я спускаться в долину стал.

Ленин у Иссык-Куля

(Поэма)

На берегу Киргизского
моря, там, где над золоти-
стыми пляжами вы-
сятся белоснежные кор-
пуса санатория «Голубой
Иссык-Куль», стоит па-
мятник В. И. Ленину.

1

Цепь древних гор под кошмами снегов
Взметнулась ввысь, долину карауля.
Искрится зыбью чаша Иссык-Куля
В серебряной оправе берегов.

Всю ночь штормило море и, устав,
К утру решило вдруг уgomониться.
И вот огромной синегрудой птицей
Застыло в дреме, крылья распластав.

И не понять, в какой сквозной дали
Сливается вода с рассветным небом
И тает в сизой дымке, будто небыль,
Рожденная фантазией земли.

Кто в полной мере знает, сколько лет
Красою Иссык-Куль с горами спорит?
И, видно, не рожден еще поэт,
Кто б мог воспеть величье гор и моря.

Да и не мне, наверное, решать
Их бесконечно долгий спор, который
Лишь тот рассудит честно, в ком душа
До старости живет в ладу со взором.

Я порознь их не видел до сих пор —
И потому, хоть мысленно, могу ли
Себе представить Иссык-Куль без гор
Иль горы воспринять без Иссык-Куля?

2

Здесь, где горы море стерегут,
Над заливом, от ветров укрытом,
Высечен из серого гранита —
Встал он на высоком берегу.

Встал таким, каким вошел навек
Он в живую память поколений —

Величайший в мире человек,
Друг простых людей — Владимир Ленин.

Еле слышно плещется волна,
Ветерок, шурша, крадется низом.
И светла воды голубизна —
В ней, как в чистом зеркале, видна
Ильичу вся ширь земли киргизов.

Он глядит, прищурясь, в синеву,
Вдаль, где кружат чайки на просторе,
И как будто слышит наяву
Затаенный в глуби голос моря...

Иссык-Куль

Видишь, город стоит
На моем берегу.
Им гордиться я ныне
По праву могу.
Где когда-то лишь
Рыскали волки во мгле,
Белокаменным чудом
Он встал на земле.
А на дне моем спит,

Молчалив и суров,
Древний город —
Свидетель минувших веков.
Спит, глухой тишиною
И мраком объят,
Мертвый город,
Что был
Величав и богат.
И уже не припомнить
То время, когда
Налетела на город
Внезапно беда,
Затопила водой,
Сокрушила огнем,
Чтобы память — и ту
Не оставить о нем.
Но на месте его,
Неуемный, как жизнь,
Новый город вознес
К облакам этажи,
Город счастья и дружбы,
Любви и труда —
И ему не страшна
Никакая беда!

И Ленин,
По Волге ходивший на лодке
не раз,
Моря повидавший,
Где ветры студеные дули,
Внимательно слушает
Моря Киргизского сказ,
Идущий из самых глубин моего
Иссык-Куля.

И видит он горы,
Взлетевшие в звездную высь
Туман на вершинах,
Белесым клубящийся паром,
И осыпи склонов,
Где в солнечных бликах косых
По кручам ребристым
Непугано бродят архары.

И тихой водой Иссык-Куля
Любуется он,
В которую стоит

Хотя бы на миг окунуться,
Как будешь тотчас же
От хвори любой исцелен,
Как дряблые мускулы
Юною силой нальются.

И чуть сожалеет о том он,
Что только сейчас
В безбрежности дня,
Что встает, все сильней разгораясь,
Впервые неожиданно
Открыл он для сердца и глаз
Певучие краски
Далекого горного края.

Шумит Иссык-Куль
Озорною веселой волной,
Расплескано солнце
В сверкающих брызгах багряных.
И радостно Ленину видеть,
Что счастье дано
В созвездьи республик
Земле моего Киргизстана.

Он счастлив, что видит
Большого труда торжество
И новую жизнь,
Что пришла на века в Ала-Тоо.
И, внемля взволнованно
Думам крылатым его,
К родному народу
Свое обращаю я слово...

* * *

Крепок духом народ,
Что воротами в небо владеет.
В дни суровых невзгод
За себя постоять он сумеет.
Мудрость предков храня,
Отметая хулу и наветы,
Он из тьмы и огня
Вышел к правде, свободе и свету.
Он душевен и прост,
Колыбель его — горы седые,
Что взметнули до звезд
В поднебесье хребты снеговые,
Чьи твердыни хранят
Неизбывную память о давнем

В вековых письменах,
Вбитых намертво временем в камни.
Солнца на небе нет,
Если тучами небо захмарит.
Ясен месяца свет,
Лишь когда полнолуние в разгаре.
Но над нашей землей —
И в пургу,
И в лихое ненастье
Льется щедрой рекой
Солнце равенства, братства и счастья.
И не гаснут заре
Под снегами, дождями, ветрами,
Что вошла в Октябре
И сияет с тех пор над горами.
И народу идти
Под немеркнущим знаменем алым,
Одоляя в пути
Неприступную высь перевалов!

4

Разгорается день.
Вот и полдень совсем уже близок.

И высокие травы
Просохли от утренних рос.
Хмурит брови Ильич,
Вспоминая о прошлом киргизов,
О былых временах,
Полных горя, страданий и слез.

Ленин знает, что к прошлому
Нет и не будет возврата,
Но душа его все-таки
Тихой печалью полна.
И опять, и опять,
Набегая на берег покатый,
Безмятежна светла,
Иссык-Кульская плещет волна.
И уходит печаль,
Будто смытая напрочь волною,
И встает перед взором,
В полуденной дымке лучась,
Край мой отчий,
Киргизский,
Что жизнью своей и судьбою
Будет вечно обязан
Бессмертным делам Ильича.

Дорог сердцу вождя
Этот край,
Октябрем возрожденный,
С белой кипенью рек,
С гладью сонных, бездонных озер,
С дымной далью степною,
Живою водой напоенной,
С облаками над пиками
В небо взметнувшихся гор.

Разгорается день.
Белоснежные лебеди стаей
Проплывают, скрываясь
За легкой, певучей волной.
Ленин в море глядит.
И оно свой рассказ продолжает,
Неторопкий рассказ,
Не единожды слышанный мной...

Иссык-Куль

С тех пор, как средь гор
Расплескал я безбрежные воды,
Любуюсь, как солнце

Восходит в зенит небосвода.
Но радости суть
В полной мере сумел я познать
Под ленинским солнцем,
Под солнцем труда и свободы.

Когда светлоокое небо
Тонуло в ненастье,
Луч солнца увидеть
Считал я невиданным счастьем.
Но счастье впервые
Пришло на мои берега
Лишь с солнцем, рожденным
Родною Советскою властью.

Я верил, что только
Неистовый ветер колючий
Развеет туманы,
Разгонит холодные тучи.
Но мглу и туманы
Над страждущим краем моим
Навеки развеял
Октябрьский ветер могучий.

О, люди! Когда-то
Слышал я легенду такую,
Что храбрый Манас
Переплыть мою ширь ветровую
Хотел на коне,
Но осилить не смог, богатырь,
Летающую вихрем,
Крутую волну штормовую.

И пели акыны,
На тое гостей услаждая,
Былинного Тору-Айгыра
В веках прославляя,
О том, будто плавал без страха
Гнедой жеребец
По водам моим,
Словно рыба,
От края до края.

Я щедро и цепко
Вбирал в себя многие годы
Сказанья, рожденные
Смелой мечтою народа.
А ныне я вижу,

Как в солнечной, светлой дали
Взмывают над волнами в небо
Дымы пароходов.

И счастлив я тем,
Что легенды, мечты и сказанья
В желанную явь
Воплотились в народных деяньях,
Что нету сегодня
На древней киргизской земле
Предела геройству,
Предела труду и дерзанию.

Дарю человеку я
Силу и молодость лета,
Моя красота
И в стихах, и в поэмах воспета.
Едва наступает июнь,
Как на пляжи мои
Съезжаются люди
Со всей неоглядной планеты.

И лебеди водят
Извечную дружбу со мною,
И стаи гусей

Не обходят меня стороною,
И плещется рыба
В бесчисленных затоках моих,
Надежно укрытых
От холода, ветра и зноя.

И люди мне в радость,
И птицы залетные в радость,
Что в добром согласии
Здесь уживаются рядом,
Что после далеких
Земных и небесных дорог
Здесь отдых находят,
Находят покой и прохладу.

Опустится ночь —
И поблекнут воды переливы.
Луна недвижимо
Повиснет над спящим заливом.
Вглядишься в темноту —
И увидишь,
Как к тихой воде
По кромке прибоя
Косуля крадется пугливо.

Всю ночь она будет
Лежать на песке затаенно
И слушать,
Как с берегом
Шепчутся волны бессонно.
И только когда на востоке
Забрежит рассвет,
Уйдет она в горы
И скроется в чаще зеленой.

Бывает, что даже,
Живущий в извечной тревоге,
На берег ночной
Забредает архар быстроногий
И, чуть постояв
У мерцающей, теплой воды,
Умчится к вершинам,
Минуя жилье и дороги.

И помнится мне,
Как с хребтов поднебесных, бывало,
По тропкам скалистым
Спускались в низину маралы
И нежились, лежа

В горячем прибрежном песке,
Покуда их ночь
От охотничьих глаз укрывала.

Лишь гордый олень,
Опасаясь предательской пули,
С вершины Хан-Тенгри
Еще не сходил к Иссык-Кулю.
Крутыми рогами
Высокое небо пронзив,
Стоит он, как воин,
Владенья свои карауля.

Люблю я спокойствие
Летней задумчивой ночи,
Люблю, когда волны
У берега тихо рокочут
И полог высокого неба,
Как дивный ковер,
Орнаментом звездным
По черному полю прострочен.

Когда в вышине
Над моею застывшею гладью

Рождается месяц
И плавает,
В глубь мою глядя.
И стайки форели,
Играя,
Искрятся в воде,
Как брызги искрятся
В сбегающем с гор водопаде.

Я многое помню
И многое, многое знаю.
Как горные ветры,
Года надо мной пролетают.
Все горе, что в прошлом
Изведала эта земля,
Впитала в себя
Моя строгая память седая.

Я помню, как, вздрогнув
Под огненным, грозным напором,
Качнулись однажды
Веками стоящие горы
И девять десятков

Вот так и возник я —
В кипении,
В грохоте,
В гуле.
Горячие ветры
Насквозь меня солнцем продули.
И я уж не помню
То давнее время, когда
За теплую воду
Меня нарекли Иссык-Кулем.

А город доселе
На дне моем дремлет безмолвно.

Но лишь заштормлю я —
И выбросят на берег волны
То камень, что жерновом
Людам когда-то служил,
То жженный кирпич,
Неразгаданных надписей полный.

О городе мертвом
Я думаю долгие годы:
Судьба его схожа

С тяжелой судьбою народа,
Который бы вымер,
Когда бы над краем моим
Не взмыло победно
Великое знамя свободы.

5

Колышутся в озере
Гор преломленные тени,
Светла и спокойна
Его безмятежная гладь.
И кажется, будто
Умолкло оно на мгновенье,
Чтоб, с духом собравшись,
Рассказ свой продолжить опять.

Он горечи полон
И полон тоски и тревоги,
Как доля кедея¹,
Что жил в темноте и в нужде...
Короткими были

¹ Кедей — бедняк.

И длинными были дороги,
Но ступишь — и сразу
По горло увязнешь в беде.

И некому было
За люд трудовой заступиться,
И не было сил у земли,
Чтобы всех прокормить.
То горе,
То слезы
Поныне не могут забыться.
И вряд ли когда-нибудь
Люди их смогут забыть.

Поныне б киргизы
Томились в лишениях и в муках,
Поныне косила бы
Жадная смерть бедняков...
Ты подал нам,
Ленин,
Надежды и помощи руку
И сбросил с нас тяжесть
Веками гремящих оков.

Ты стал нам отцом,
Справедливым и преданным другом,
Дал каждому волю,
Дал землю и воду сполна,
Одел и обул,
Чтобы лютая зимняя вьюга
В морозные ночи
В горах нам была не страшна.

Ты, словно отец,
Заслонил нас от бед и напастей
И каждому на ноги
Встать, словно сыну, помог,
И каждому выбрал дорогу,
Ведущую к счастью,
Из тысяч плутающих
В мраке путей и дорог.

Ты солнце зажег над горами.
И яркие звезды
Заставил пылать
Над безбрежьем воды и земли,
Засеял поля

И наполнил прохладою воздух,
Чтоб люди повсюду
Дышать им свободно могли.

И веру такую
Сумел ты взрастить в человеке,
С которой в дороге
Любой перевал одолим.
Недаром тебе,
Наш отец и учитель,
Навеки
Мы все до едины
Обязаны счастьем своим.

Когда бы не ты,
Стали б мертвой пустынею горы,
Леса оскудели
И нивы сгорели б в огне,
И рухнуло б небо
В бездонную бездну,
Как город,
По воле судьбы
Погребенный на илистом дне.

Когда бы не ты,
Стал бы кладбищем край наш
цветущий,

Растаяли льды
И потоками хлынули вниз,
И вряд ли, чтоб кто-то,
Из ныне на свете живущих,
Когда-либо слышал
Само даже слово — киргиз.

Взгляни, наш отец,
На весеннюю новь Ала-Тоо,
Порадуйся с нами
Завидной народной судьбе!
Покуда живу,
Буду снова,
И снова,
И снова
Твердить, что рождением
Народ мой обязан тебе!

Смотри, как раздольно
Царят в поднебесье вершины,
Как бродят, тучнея,
На пастбищах горных стада,

Как с круч снеговых
Устремляются реки в долины,
Как ввысь поднимают
Свои этажи города,

Как бывший кочевник
Склонился над книгою мудрой,
Как в сердце поэта
Певучая крепнет строка!..
Покуда дышу,
Буду славить земли моей утро
И вольный народ,
Что на этих живет берегах!

Я знаю, учитель,
Был путь твой и горек, и труден,
Мужал ты в невзгодах,
Креп духом в суровой борьбе
Всю силу души
Отдавая трудящимся людям,
Радея о них,
Ты не думал, Ильич, о себе.

Прошел ты сквозь вьюги,
Сквозь царские тюрьмы, но веру
В грядущее счастье
Сберег ты в пути до конца.
Великая жизнь твоя
Стала бессмертным примером,
Зовущим примером
Провидца, борца и творца.

Ты — русский,
Ты — волжский.
Но как бесконечно ты близок,
Рожденный и живший
От гор Ала-Тоо вдали,
Не только тобою спасенным
От смерти киргизам —
Ты дорог и близок
Сегодня всем людям Земли,

Всем тем,
Кто считает себя сыновьями твоими,
Всем тем,

Кто в дела воплощает заветы твои,
Кто, подняв, как знамя,
Твое незакатное имя,
Идет с ним бесстрашно
Сквозь грозы, метели, бои!

6

Ильич с пьестала
На озеро смотрит спокойно,
Задумчив и тих
Устремленный в грядущее взор.
Он видит, как тучи
Рождаются в мареве знойном,
Туманами кутая
Пики заоблачных гор.

Уже над волнами
Скользят их мохнатые тени,
Гонимые шквалом,
Сорвавшимся с дымной гряды.
И радует Ленина

Крепкого шторма рождение,
Предчувствие схватки
Взбешенных ветров и воды.
Он рад этой яростной
Вздыбленной силе нещадной,
Готовой в мгновенье
Волной захлестнуть берега.
Пусть море бушует,
Чтоб было вовек неповадно
На землю киргизскую
Зариться нашим врагам!

Пусть видят они,
Как лютует над озером ветер,
Как в пламени бури
Вода превращается в пар.
Пусть знают они,
Что народ мой сумеет ответить
Всеправым ударом
На вражеский подлый удар!

Ревет Иссык-Куль.
Вьет тяжелой волною о берег,

Неистовым гневом
Наполнив себя до краев.
Сшибаются ветры над морем.
И Ленин уверен
В народе, умеющем
Драться за счастье свое.

7

Но вот стихает над волнами ветер,
И летний день опять широк и светел,
И радуга взмывает в небосвод,
Лучась веселым, ярким
разноцветьем.

И в небе нет ни облачка, ни тени,
И снова голос моря слышит Ленин,
Внимая слову каждому его
С отеческим вниманьем и волненьем.

Иссык-Куль

Полвека, как под солнцем новой власти
Обрел народ киргизский мир и счастье.
Полвека, как невзгоды и беда
Над горным краем небосвод не застят.

Здесь люди дружбой ленинской богаты,
Здесь каждый грудью встанет брат за брата,
Здесь в честном сердце каждый человек
Несет сквозь жизнь твои заветы свято.

Здесь каждый счастлив преклонить колени
Перед твоим величием, мудрый Ленин,
И поклониться матери твоей,
Тебя родившей в светлый день весенний.

Здесь каждый благодарен бесконечно
Твоей России, щедрой и сердечной,
Ее народу, ставшему в борьбе
Киргизам братом, преданным навечно.

И мой народ клянется жизнью, Ленин,
Что никогда России не изменит,

Что верность ей сквозь годы пронесет
И передаст грядущим поколениям!

8

И Ленин в ответ говорит Иссык-Кулю: — Я знаю:
Покуда народы единством и дружбой сильны,
Расти год от года советскому вольному краю
И солнцу не гаснуть в безоблачном небе страны.

Пусть будут великой Октябрьской эпохи
достоинны,
Пусть счастливы будут твои, Иссык-Куль,
сыновья!
Пусть внуки и правнуки спят в колыбелях
спокойно!
Пусть радости люди в душе от друзей не таят!

Ильич говорил. И Киргизское море шумело,
Искрящейся рябью вскипая в бескрайней дали.
И не было шири его ни конца, ни предела,
И не было в мире раздольней и краше земли.

И горы стояли, просторы долин карауля,
И лед на вершинах, мерцая, блестел, как слеза.
И солнце купалось в прозрачной воде Иссык-
Куля.
И Ленин в улыбке по-доброму щурил глаза.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Соболев. Поэт и время</i>	3
---	---

Стихи

Во имя счастья

<i>Дорогой Ленина. Перевод М. Ронкина</i>	12
<i>Во имя счастья. Перевод М. Ронкина . .</i>	15
<i>У карты планеты. Перевод М. Ронкина</i>	16
<i>Ленин улыбается. Перевод М. Ронкина</i>	19
<i>Я партию мою благодарю. Перевод М. Ронкина</i>	22
<i>Говорит Москва. Перевод М. Ронкина</i>	24
<i>Моя родина. Перевод М. Ронкина . . .</i>	27
<i>Триходит раз. Перевод Т. Стрешневой</i>	30

Пик Ленина. Перевод М. Ронкина	32
Вся власть — Советам! Перевод М. Соболя	34
Родная земля. Перевод М. Ронкина . .	36
Рождение мелодии. Перевод М. Ронкина	38
Иду по жизни комсомольцем. Перевод М. Ронкина	40
Огонь в горах. Перевод Т. Стрешневой	43
Песня пограничника. Перевод Т. Стрешне- вой	47
Кара-Су. Перевод Т. Стрешневой . . .	48
Грядущее. Перевод М. Соболя	50
Ленинградские воспоминания. Перевод М. Ватагина	51

Душа человека

Высота. Перевод М. Ронкина	62
О славе. Перевод М. Ронкина	65
Душа человека. Перевод М. Ронкина . .	67
Преданность. Перевод М. Ронкина . . .	68
Взлетают птицы на рассвете. Перевод М. Ронкина	70
Дом без матери. Перевод М. Ронкина	71
Моя опора. Перевод М. Ронкина . . .	74

Учитель. <i>Перевод М. Ронкина</i>	76
В вышине. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	79
Люди в белых халатах. <i>Перевод М. Рон-</i> <i>кина</i>	84
Юноша, лежащий на траве. <i>Перевод</i> <i>М. Ронкина</i>	87
Тайна имени. <i>Перевод М. Ронкина</i>	89
Не скажу... <i>Перевод А. Поперечного</i> . . .	91
Жить! <i>Перевод А. Поперечного</i>	93

О т ч и з н а — т ы с к а з к а м о я !

Озеро Сон-Куль. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	95
Душа киргиза. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	97
Мое богатство. <i>Перевод Н. Глазкова</i> . .	100
Весна Тянь-Шаня. <i>Перевод С. Обрадовича</i>	102
Юг. <i>Перевод С. Обрадовича</i>	111
Золотая гора. <i>Перевод Л. Длигач</i> . . .	115
В долине Таласа. <i>Перевод М. Соболя</i> . .	120
Сила любви. <i>Перевод М. Соболя</i>	123
Хребет Долона. <i>Перевод Н. Глазкова</i> . .	124
Козу-Баглан. <i>Перевод М. Ронкина</i> . . .	127
Город Фрунзе. <i>Перевод Л. Длигач</i> . . .	130

Вести из Орто-Токая. Перевод Т. Стрешневой	133
1. Богатырь Аммоналы (Рассказ старика)	133
2. Там, где тайлся дракон	137
3. Байгазы, с которым мы встретились под землею	139
Зимой. Перевод Т. Стрешневой	142

Покуда ты есть,
Иссык-Куль —
я бессмертен

Я пою о тебе, Иссык-Куль. Перевод Т. Стрешневой	146
Лирика. Перевод Я. Смелякова	147
Вопреки старости. Перевод М. Ронкина	148
Мудрость. Перевод М. Ронкина	150
Вспоминаю старых товарищей. Перевод М. Ронкина	151
О любви. Перевод М. Ронкина	154
Паризат. Перевод Т. Стрешневой	156
Вдыхая аромат цветов. Перевод Т. Стрешневой	157

Мое мнение. Перевод Т. Стрешневой . . .	158
<u>Это ты!</u> Перевод Т. Стрешневой . . .	159
Арча. Перевод Т. Стрешневой . . .	161
Джузумджан. Перевод Т. Стрешневой . . .	162
Девушка в лунном свете. Перевод М. Ронкина . . .	165
Я люблю. Перевод М. Соболя . . .	168
Откровение. Перевод М. Ронкина . . .	169
Подснежники. Перевод М. Ронкина . . .	170
Лунная ночь. Перевод М. Ронкина . . .	172
В Ак-Суйской стороне. Перевод Т. Стрешневой . . .	176
1. Ночной волк . . .	176
2. Бег чубарого коня . . .	178
3. Джолбарсту . . .	180
4. Озеро Сары-Челек . . .	181
Ленин у Иссык-Куля (Поэма). Перевод М. Ронкина . . .	186

Маликов К.

М 19 Стихи. Пер. с кирг. /Вступит.
слово М. Соболя; Сост. К. Малико-
вой. — М.: Худож. лит., 1983, 222 с.

Народный поэт Киргизии Кубанычбек Маликов (1911—1978) стоял у самых истоков зарождения советской киргизской литературы и сыграл большую роль в ее профессиональном становлении.

В настоящий сборник вошли стихи из книг: «Встречи на берегу Иссык-Куля», «Весна Тянь-Шаня», «Ала-Тоо — моя отчизна» и др.

М 4702280200-146
028(01)-83 91-83

С(Кирг)2

Кубанычбек М а л и к о в

СТИХИ

Редактор А. Макинциян

Художественный редактор С. Данилов

Технический редактор Л. Зайцева

Корректор И. Ломанова

ИБ № 2882

Сдано в набор 23.06.82. Подписано в печать 07.01.83. Формат 84×108^{1/4}. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 5,88. Усл. кр.-отт. 5,98. Уч.-изд. л. 6,33. Тираж 10 000 экз. Изд. № IV-1065. Заказ № 513. Цена 85 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882 ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.